

Человек в истории Россия–XX век

1999–2009

Десять лет
Всероссийскому конкурсу
исторических
исследовательских работ
старшеклассников

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»

Международный благотворительный фонд
имени Д. С. Лихачева

Союз краеведов России

Кафедра региональной истории
и краеведения РГГУ

Основные спонсоры конкурса:

Правительство Москвы
Фонд «Память, ответственность и будущее» (ФРГ)
Фонд Форда (США)
Фонд имени Генриха Бёлля (ФРГ)
Фонд Фридриха Науманна (ФРГ)
Исследовательский центр «Жизнь и судьба» (Италия)
Фонд Михаила Прохорова (РФ)

В разные годы конкурс поддерживали:

Европейский Союз (Брюссель)
Офис Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева)
Фонд Кёрбера и сеть европейских исторических конкурсов «Eustory» (ФРГ)
РОО «Открытая Россия» (РФ)
Общественная инициатива «Гражданин и армия» (РФ)
Благотворительный фонд РЕК (РФ)
Евроазиатский еврейский конгресс (РФ)
Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства (РФ)

Оргкомитет благодарит за помощь:

Издательство «РОССПЭН»
Театральной центр СТД РФ (ВТО) «На Страстном»
Государственный академический центральный театр кукол им. С. В. Образцова
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
Школу «Интеллектуал»
Агентство «ФотоСоюз»

Информационную поддержку конкурсу оказали:

Журнал «Отечественные записки»
Журнал «Знание — сила»
Журнал «Преподавание истории в школе»
Газета «Литература» («Первое сентября»)
«Новая газета»
Радиостанция «Эхо Москвы»
Радиостанция «Серебряный дождь»
Интернет-издание «Стенгазета»

Содержание

О конкурсе 5–6

Жюри конкурса 7

XX век глазами молодых 8–11

Конкурс в цифрах 12–13

География конкурса 14–15

Награждение победителей 17

Победители о конкурсе 18–19

Ученые, писатели, общественные деятели о конкурсе 20–23

Темы конкурса в цитатах из работ участников 24–29

Сборники конкурсных работ 30–31

Работы лауреатов конкурса 32–77

Международные связи конкурса 79–80

Школы «Мемориала» 81

Учителя о конкурсе 82–84

Координаторы о конкурсе 85–87

Оргкомитет конкурса 89

Контакты координаторов 89

Объявление о конкурсе 2009–2010 90–94

Наши спонсоры 95–96

О конкурсе

Жюри конкурса

XX век глазами молодых

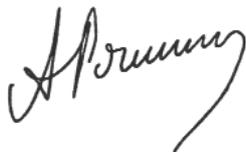
Конкурс в цифрах

География конкурса

О конкурсе

Никакое сколько-нибудь демократическое государство не построишь, если у его граждан отсутствует историческое и правовое сознание. Но как развить такое сознание у молодого человека? Главное, чтобы оно не приходило извне, чтобы молодой человек сам вступал в прямое соприкосновение с фактами, сам пытался их осмыслить и найти ответы на поставленные им самим вопросы. Конкурс дает молодым людям эту возможность.

Не так важно, какую тему выбрал школьник — биография ли это знаменитого земляка, судьба собственного деда или история завода, расположенного неподалеку от дома; важно, что в процессе своего исследования он сталкивается с десятками сюжетов и проблем, которые ему надлежит осмыслить. Тут-то и возникает ощущение себя в Истории — в истории своей семьи, своего города, своей страны. Ощущение, которое делает человека небезразличным к истории.

Конкурс «Человек в истории» — это очень значимое начинание, внушающее большой оптимизм людям разных поколений. В нем принимают участие молодые люди, которые сумели выбрать по зову души, по юной тяге к правде, важные и часто замалчиваемые моменты истории.

Я — ученый, и меня порадовало то, что учителя так подготовили своих учеников, что они научились находить значимое в обычных документах, что они научились так об этом писать, что эти работы издаются и у нас, и за рубежом и цитируются в исследовательских трудах.

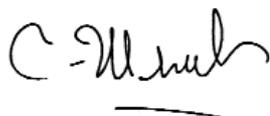

Арсений Рогинский
*председатель правления
Международного "Мемориала"*

Сигурд Шмидт
*председатель Жюри
конкурса*

Даже если победители конкурса изберут иную профессию и, может статься, далекую от сферы гуманитарных наук — они получили закалку в самостоятельной исследовательской работе, обрели определенный научно-методический опыт, расширили свой кругозор и, полагаю, углубили представления о нравственном долге человека.

Когда конкурс только еще задумывался, никто не ожидал, что он будет жить так долго и приобретет такие масштабы. Теперь-то ясно, что иначе и быть не могло — нашему народу за последнее столетие столько всего пришлось пережить и столько времени он был вынужден безмолвствовать, что потребность выговорится, часто неосознанная, в нем колоссальна. Не случайно в конкурсных проектах школьников, как правило, самое деятельное участие принимают родители, и мы это только приветствуем. Дать возможность реализовать себя одаренным детям из самых глухих уголков страны — прямая обязанность общества. То, что делает наш конкурс, наверное, лишь капля в море. И все же для сотен детей он стал окном в мир. А ведь ради и одного такого юного гражданина стоило бы потрудиться.

Ирина Щербакова
*председатель Оргкомитета
конкурса*

Жюри конкурса

Сигурд Оттович Шмидт
председатель Жюри,
академик Российской академии
образования, почетный
председатель Союза краеведов
России, Москва

**Светлана Александровна
Алексиевич**
писатель, Минск

Александр Григорьевич Асмолов
член-корреспондент Российской
академии образования, заведующий
кафедрой психологии личности МГУ
имени М. В. Ломоносова, Москва

Даниил Александрович Гранин
писатель, Санкт-Петербург

Александр Юльевич Даниэль
директор программы «История
инакомыслия в СССР»
Международного Мемориала,
Москва

Сергей Аркадьевич Иванов
профессор МГУ имени
М. В. Ломоносова и СПбГУ, Москва

Александр Валерьевич Кобак
исполнительный директор
Международного
благотворительного фонда имени
Д. С. Лихачева, Санкт-Петербург

Владимир Фотиевич Козлов
заведующий кафедрой
региональной истории
и краеведения РГГУ, председатель
Союза краеведов России, Москва

Мария Александровна Липман
главный редактор журнала «Pro
et Contra», Московский центр
Карнеги, Москва

Александр Давидович Марголис
генеральный директор
Международного
благотворительного фонда спасения
Петербурга-Ленинграда,
Санкт-Петербург

Арсений Борисович Рогинский
председатель правления
Международного Мемориала,
Москва

Никита Павлович Соколов
шеф-редактор журнала
«Отечественные записки», Москва

Ирина Лазаревна Щербакова
председатель Оргкомитета конкурса,
Москва

Двадцатый век глазами молодых

В этом году «Мемориал» проводит десятый, юбилейный конкурс «Человек в истории. Россия — XX век». Для нас это большой праздник, поскольку, в 1999 году, когда конкурс был задуман «Мемориалом», мы не могли надеяться, что он проживет так долго и станет столь заметным явлением в общественной жизни страны. За десять лет в конкурсе приняли участие более тридцати тысяч школьников со всех концов России — цифра огромная. Каждый из этих молодых людей долгие месяцы собирал документы, опрашивал людей, анализировал информацию и, наконец, взял на себя труд превратить накопленный материал в многостраничную исследовательскую работу. Архив школьных работ с каждым годом становится все более и более важным источником знания о жизни народа в последнее столетие. Им активно пользуются профессиональные историки, писатели, журналисты.

Российское общество расколото. В одном и том же классе литературу и историю могут преподавать люди диаметрально противоположных воззрений. Целостное миропонимание в таких условиях школьнику сформировать очень трудно. Конкурс предлагает молодежи: изучите историю того, что вам близко — своей семьи, своего района, улицы, соседнего предприятия — и тогда делайте выводы. Они могут не совпасть с тем,

что вы слышите по телевизору или даже с мнением вашего учителя, но в любом случае у них будет прочная основа — добытое собственным трудом знание. Мы можем гордиться тем, что многие тысячи юношей и девушек, в разные годы участвовавшие в конкурсе Международного «Мемориала», вошли во взрослую жизнь более зрелыми людьми, чем большинство их сверстников.

Миссия «Мемориала» — хранить память о прошлом. Во имя нее мы создаем свои архивы, записываем воспоминания свидетелей тех или

иных событий. По сути, наши конкурсанты делают то же самое. Они собирают и систематизируют семейные архивы, архивы тех, о ком пишут. Это тяжелая и увлекательная работа учит бережному отношению к любым — письменным, материальным, устным свидетельствам о прошлом. Можно не сомневаться, ни один документ, прошедший через руки участников конкурса, не будет утерян. Он найдет свое место в семейном, государственном либо общественном архиве. Фактически в лице тех, кто присылает работы на конкурс, «Мемориал» приобрел десятки тысяч единомышленников, во всяком случае, в том, что касается отношения к историческим свидетельствам и документам.

Большинство школьных работ — о крестьянской России. Что не удивительно — у четырех из пяти нынешних горожан прадед, а часто и дед, был деревенским жителем. Страшные войны, коллективизация, великие и малые стройки социализма — все это ложилось в первую очередь на плечи крестьян, людей, как правило, бесписьменных, редко когда оставивших после себя дневники, воспоминания. Опрашивая немногих живых свидетелей трагедии советской деревни, наши школьники оказывают неоценимую услугу обществу — сохраняют историю, которая без них была бы безвозвратно утеряна.

Замечательно, что для сегодняшних молодых людей нет запретных тем, они свободны, ничего не боятся, и степень этой свободы растет от го-

да к году. Им, например, ничего не стоит обратиться в любое госучреждение и попросить ознакомиться их с тем или иным документом — раньше такое и представить нельзя было.

Пристальный взгляд в прошлое меняет отношение школьников к настоящему, к тому, что происходит вокруг, пробуждает желание действовать, что-то менять к лучшему. Но это, собственно, и называется гражданской позицией, формировать которую у молодого поколения — одна из главных задач «Мемориала».

За десять лет конкурс приобрел множество друзей и помощников. Большая группа преподавателей, ученых-историков, работников библиотек и музеев, журналистов активно с нами сотрудничает. Особенно надо отметить учителей-энтузиастов, умеющих привить школьникам любовь к истории, готовых не считаясь со временем помогать им в исследованиях. «Мемориал» регулярно собирает их в Москве на научно-методический семинар, посвященный проблемам преподавания российской истории и организации исследовательской работы старшеклассников.

Огромную помощь конкурсу оказывают региональные координаторы, которые распространяют о нем информацию, а в некоторых регионах даже создали консультативные центры. Благодаря этим людям конкурс стал по-настоящему всероссийским — работы на него шлют из всех регионов страны, причем почти половина конкурсантов — жители деревень и поселков.

Условия конкурса предоставили большую свободу творчества как по тематике исследований, так и по привлекаемым источникам и методам. В первую очередь участников призывают изучать историю повседневности.

Старшеклассникам это вполне по силам, и их стараниями собираются анналы «устной истории», до которых у профессиональных историков руки бы не дошли.

«Время МН», 13.05.2003

Конкурсы, аналогичные мемориальному, проводятся во многих странах. С 2001 г. «Человек в истории. Россия — XX век» стал членом «Eustozy» — европейской сети исторических конкурсов. В ее рамках проводятся совместные семинары, летние школы для победителей. В частности, наши конкурсанты регулярно принимают участие в лет-

ней берлинской международной школе, которую организует сеть при поддержке Фонда Кербера.

За десять лет «Мемориал» выпустил шестнадцать сборников, куда вошли лучшие работы, присланные старшеклассниками. Книги эти отнюдь не носят протокольного характера. Они увлекательны и весьма поучительны. Достаточно сказать,

что одна из них переведена на немецкий, норвежский и итальянский языки и имела большой успех у читателей. В Германии выпущен совместный сборник немецких и российских школьников, а также отдельной книгой собрание переводов лучших работ нашего конкурса за все годы.

Всякое живое дело должно развиваться. В рамках основной темы — человек в истории — оргкомитет каждый год предлагает новую ее конкретизацию, по возможности актуальную и для сегодняшнего дня. Это может быть «Человек и малая родина», «Свои — чужие: другая национальность, другая религия, другие убеждения», «Цена победы» и другие. По мере того, как те или иные современные технические средства становятся доступны большинству семей, мы вводим дополнительные номинации, например, «лучший видеофильм». В настоящий момент «Мемориал» ведет разработку Интернет-портала конкурса — он будет называться «Уроки истории» и, мы надеемся, станет для школьников, интересующихся историей страны, и их учителей своего рода клубом.

Завтрашнюю Россию будут строить сегодняшние юноши и девушки. Чтобы кирпичи они брали с разбором, а не первые, которые им предлагают, и был задуман конкурс «Человек в истории. Россия — XX век». Пусть скромный, но все же заметный успех, на этом поприще ему, как нам кажется, сопутствует.

Конкурс в цифрах

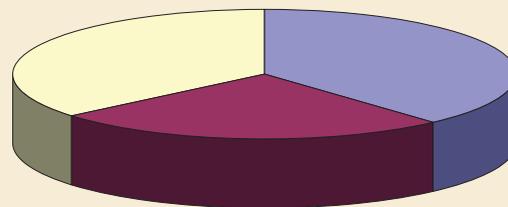
Субъект РФ	Всего работ	Кол-во призовых работ
ВСЕГО	26069	472
Адыгея	39	3
Алтай (республика)	49	–
Алтайский край	458	9
Амурская обл.	220	2
Архангельская обл.	131	8
Астраханская обл.	636	7
Башкортостан	569	5
Белгородская обл.	425	1
Брянская обл.	148	4
Бурятия	253	–
Владимирская обл.	232	19
Волгоградская обл.	225	9
Вологодская обл.	255	7
Воронежская обл.	1659	30
Дагестан	146	1
Еврейская АО	4	–
Забайкальский край	220	–
Ивановская обл.	71	–
Ингушетия	167	5
Иркутская обл.	1060	18
Кабардино-Балкария	92	1
Калининградская обл.	29	–
Калмыкия	263	4
Калужская обл.	196	3
Камчатская обл.	11	–
Карачаево-Черкессия	16	–
Карелия	111	2
Кемеровская обл.	540	3
Кировская обл.	349	20
Коми	866	19
Костромская обл.	122	–
Краснодарский край	1061	6
Красноярский край	989	9
Курганская обл.	60	–
Курская обл.	40	–
Ленинградская обл.	193	2
Липецкая обл.	177	9
Магаданская обл.	45	–
Марий Эл	136	–
Мордовия	291	11
Москва	348	12
Московская обл.	445	7
Мурманская обл.	284	16
Ненецкий АО	36	–
Нижегородская обл.	162	–

Субъект РФ	Всего работ	Кол-во призовых работ
Новгородская обл.	36	1
Новосибирская обл.	317	5
Омская обл.	311	–
Оренбургская обл.	504	4
Орловская обл.	45	–
Пензенская обл.	901	16
Пермский край	854	22
Приморский край	147	–
Псковская обл.	320	10
Ростовская обл.	1223	23
Рязанская обл.	765	4
Самарская обл.	310	1
Санкт-Петербург	265	10
Саратовская обл.	264	9
Сахалинская обл.	20	–
Свердловская обл.	1082	13
Северная Осетия	16	1
Смоленская обл.	83	–
Ставропольский край	172	1
Тамбовская обл.	159	4
Татарстан	184	10
Тверская обл.	318	18
Томская обл.	199	7
Тульская обл.	570	4
Тыва	34	–
Тюменская обл.	390	1
Удмуртия	297	9
Ульяновская обл.	44	2
Хабаровский край	217	3
Хакасия	212	1
Ханты-Мансийский АО	155	–
Челябинская обл.	754	23
Чечня	312	12
Чувашия	196	–
Чукотский АО	7	2
Якутия (Республика Саха)	112	–
Ямало-Ненецкий АО	211	1
Ярославская обл.	185	2
<i>Беларусь</i>	4	–
<i>Казахстан</i>	20	–
<i>Литва</i>	5	–
<i>Приднестровье</i>	3	1
<i>Украина</i>	15	–
<i>Чехия</i>	1	–
<i>Эстония</i>	3	–

средние и малые города
36% (9374 работы)

деревни, села, поселки
38,4% (10026 работ)

крупные города
25,6% (6669 работ)

Награждение победителей

Победители о конкурсе

Ученые, писатели, общественные деятели о конкурсе

Темы конкурса в цитатах из работ участников

Сборники конкурсных работ

Работы лауреатов конкурса

Награждение победителей

Торжественная церемония награждения победителей Всероссийского исторического конкурса проводится в начале мая в Москве. На нее съезжаются школьники, их учителя и родители со всех концов страны. Поздравить лауреатов, познакомиться с выставленными в фойе работами, приходят известные деятели науки и культуры, руководители общественных организаций, иностранные послы, представители прессы и телевидения. За десять лет дипломы конкурса и ценные призы — компьютеры, видеокамеры, фотоаппараты — были вручены сотням авторов лучших работ. Специальными премиями участников конкурса награждают участники прессы и телевидения.

В 2007 г. исследовательский центр «Жизнь и судьба» (Турин, Италия) учредил премию имени выдающего российского писателя Василия Гроссмана, которая ежегодно вручается трем работам.

Оргкомитет вручает также дипломы и подарки учителям, наставникам, координаторам, активно поддерживающим конкурс, прививающим школьникам любовь к самостоятельной исследовательской работе.

Победители о конкурсе

В 1999 г. я написал исследовательскую работу на конкурс старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век» и посвятил ее жизни бабушки-чукчанки. Работа называлась «Если бы бабушка вела дневник». Этот «дневник» был высоко оценен и занял первое место на конкурсе. Я также принимал участие во Втором и Четвертом конкурсах (2001 г. и 2003 г. соответственно), на которые написал две работы: «Большое кочевье в светлое будущее» — о перегоне оленей из Якутии на Чукотку во время войны и о судьбах участников перегона, а также «С Зингером по жизни» — о жизни бабушки по папиной линии, жившей на Украине. За работу «Большое кочевье в светлое будущее» был награжден поездкой в летний лагерь сети «Eustory» в Германию. По окончании школы поступил во ВГИК им. С. А. Герасимова на режиссерский факультет. За время обучения снял несколько короткометражных художественных фильмов.

Филипп Абрютин
аспирант ВГИК

Для меня конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» стал олицетворением проводившихся в стране реформ, перемен, реальной демократизации. Он явился переломным моментом и лично для меня — после победы на Первом конкурсе меня пригласили учиться в одном из трех престижных колледжей движения «Объединенный мир» (КОМ) на выбор: в Норвегии, США и Индии. Я выбрал Норвегию, Нордик КОМ Красного Креста, и не жалею об этом. В 10 колледжах «Объединенного мира» по всей планете обучаются молодые люди из 177 стран, получая образование по системе международного бакалавриата. Мировые стандарты образования, мультикультурная среда, идеалы справедливости и взаимопонимания — все это КОМ.

Хотелось бы искренне поздравить с юбилеем и поблагодарить всех, кто причастен к созданию и поддержке конкурса: в первую очередь, коллег из Международного общества «Мемориал» и РГГУ, дружная и слаженная работа которых уже не первый год дает прекрасные результаты.

Алексей Раков
кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России
новейшего времени Историко-архивного института РГГУ

В памяти живо ощущение, когда в мае 2002 г. наш поезд «Москва-Волгоград» тронулся с Павелецкого вокзала. Я и Кирилл Заводюк, еще один победитель конкурса исторических работ из Волгограда, с грустью смотрели в окно, а в воображении всплывали самые запомнившиеся моменты той удивительной недели. Было так жаль прощаться с «Мемориалом» и ярким миром открытий и общения, который он подарил нам. Когда же спустя несколько месяцев в телефонной трубке раздался знакомый голос с предложением принять участие в академии «Eustory», я очень обрадовалась. Оказалось, что наша, теперь уже многолетняя, дружба с «Мемориалом» только начиналась. Распахнувший двери и расширивший горизонты, он стал для меня удачным началом творческого и профессионального пути. В 2004–2005 гг. меня пригласили принять участие в международном проекте «Длинная тень Второй мировой. Молодые европейцы о будущем памяти» (фонд Кёрбера, фонд Роберта Боша, мемориальный комплекс «Бухенвальд»). В 2007 году я представляла «Eustory» на сессии Европейского культурного парламента в Румынии. Сейчас участвую в германо-российском проекте «Мифы, герои, гибель: что думают молодые о Сталинградской битве?», который поддерживают фонд «Память, ответственность и будущее» и фонд Роберта Боша.

Ксения Средняк

*аспирантка Волгоградского государственного университета,
кафедра истории России*

Я принял участие в самом первом конкурсе «Человек в истории» и получил премию за работу, посвященную истории московского Симонова монастыря. Был награжден поездкой в летнюю школу, проводившуюся в Германии. Закончил исторический факультет Российского православного института Св. ап. Иоанна Богослова. Тема дипломной работы — «Монастыри-музеи в 1920-е гг. как средство спасения памятников церковного искусства». Работаю учителем истории, постоянно вожу исторические экскурсии по Москве. Все эти годы сотрудничаю с обществом «Мемориал», участвую в организации летних школ для победителей конкурсов в качестве наставника.

Михаил Хрущев

краевед, учитель истории школы № 839, Москва

Говорят ученые, писатели, общественные деятели

Конкурс ставит перед школьниками важную задачу. Они должны писать историю повседневности. Их интерес направлен на обычное ежедневное существование людей со всем, что их окружает — бытом, средой, поведением, лексикой...

Когда мы с Алесем Адамовичем писали «Блокадную книгу» и опрашивали людей, мы столкнулись с тем, что прошло 30 лет, и возникли твердые стереотипы. Люди посмотрели фильмы про блокаду, прочитали книги и уже представляют себе блокаду в смешанном виде — то, что они сами пережили, и то, что они вычитали. Это очень сложная и тонкая операция, которая детям не под силу: соскрести, отделить слой чужой памяти от памяти опрашиваемого. Это и взрослым не всегда удается. Поэтому было бы очень интересно сделать комментарии к детским работам, которые были бы важны и для тех, кто вспоминает, и для читателей. Сами стереотипы и ложные представления тоже историчны, их тоже нельзя недооценивать. Интересно проанализировать, как пропаганда искажала нашу жизнь.

Есть и еще одна очень важная вещь в этих работах — суд потомства. Не нужно думать, что все можно списать, что мы все «замазали», — ничего подобного. Дети — это строгие и беспощадные судьи над нашим прошлым, нашей историей. Не пропадает ничего. Нам кажется, что все прошло, но нет — нас будут судить.

Есть тезис: «История учит тому, что она ничему не учит». Это относится, прежде всего, к нашей истории. Наша фальсифицированная история действительно ничему не учит и не может ничему научить. А эти ребята делают большое дело — они поднимают подлинные пласты настоящей истории. Настоящая история многому учит и может научить. Разрушается многое выученное в школе, но вместе с тем возникает понимание сложности той жизни, трагедии той жизни, радости той жизни.

А вообще я сторонник того, чтобы в разговоре с детьми ставились вопросы, а не давались ответы. Я думаю, что вы делаете очень большое дело, и нужно, чтобы как можно больше людей поняли это.

Даниил Гранин,
писатель

Награждение победителей конкурса должно проходить каждый год, тогда, когда оно проходит — накануне Дня победы. Мне кажется, это правильно, потому что это одна из важных акций, акция человеческой памяти об истории нашей страны уже ушедшего века. К счастью, наверное, ушедшего, хотя в нем было много замечательных людей. Прекрасно, что собираются молодые люди, умные, заинтересованные, которые родились в XX и уже живут, надо надеяться, в лучшем веке. Они в очень молодом возрасте совершили усилие над собой и в этот момент стали по-настоящему гражданами своей страны и хозяевами своей судьбы. Поэт Давид Самойлов написал прекрасное стихотворение о себе и о времени, в котором он родился и жил. Оно начинается так:

Мне выпало счастье быть русским поэтом.
Мне выпала честь прикасаться к победам.
Мне выпало горе родиться в двадцатом,
В проклятом году и в столетье проклятом.

Владимир Лукин,
уполномоченный по правам человека в Российской Федерации

Мы живем в такой стране, где история часто переписывается. А как на самом деле протекала жизнь хотя бы членов нашей семьи на той территории, где мы родились, которая является нашей малой родиной? К сожалению, по учебникам мы мало что узнаем. Но если вы спрашиваете своих бабушек, своих соседей, изучаете документы сами, а не учите только то, что написано в учебниках, вы будете знать свою страну. На самом деле история — это и есть то, что вокруг нас, вокруг каждого человека. Но дело здесь не только в том, чтобы знать, как жили раньше наши близкие и люди вокруг нас. Молодым людям надо решать, как строить свою жизнь, чтобы она была успешной и счастливой и чтобы их детям не было за них стыдно. Я очень рада, что находится в нашей стране столько молодых людей, которым это не безразлично, которые думают об этом. И не только думают, но и тратят время и силы, с увлечением, с интересом, с энтузиазмом работают. В этом залог того, что все-таки в XXI веке, глядишь, и жизнь будет и справедливее, и счастливее, чем в XX, и эта страна станет лучше, потому что вы в ней живете.

Людмила Алексеева,
председатель Московской Хельсинкской группы

Мы вышли из страны, где историей было большое государство. А мы были песчинками, и мы были не важны — так, перегной истории, песок. И вдруг рождается понимание, что история — это я: мои мама и папа, моя бабушка... и я, так как скоро приходит мое время. Это очень важная для нас мысль. Начинается история частного человека, которого давным-давно у нас не было. Мы забыли, какой он. И вдруг появляется и говорит: «Моя семья — история раскулачивания» или «Моя семья — история русских немцев».

Конечно, мифы еще сильны, например мифы войны, которые были прочной опорой прежней системы. Но у молодых другой синтаксис. Они уже смело рассказывают о близких людях, их жизненных трагедиях.

Самое сильное впечатление на меня произвели работы по раскулачиванию. Тема эта мало раскрыта в нашей литературе, да и в истории тоже. Известны события и цифры, но нет людей, их индивидуального восприятия.

Я думаю, что собранные вместе конкурсные работы могут стать хорошим учебным пособием — как думать, как писать хотя бы школьные сочинения. Его также могут с интересом читать и студенты, и журналисты, и вообще думающие люди, если у них сохранена энергия интереса к реальной жизни.

Светлана Алексиевич,
писательница

Школьный конкурс «Мемориала» как акция замечателен. Пробуждение исторического сознания и самосознания — главная задача этого конкурса. Это задача, которую гражданские и государственные структуры должны решать вместе. Человек должен ощущать себя живущим в истории. А оценивать эту историю он вправе по-разному. Главное, чтобы он умел рефлексировать, чтобы он умел корректировать свою собственную точку зрения, опираясь на факты. Эти конкурсы решают во многом задачу постепенного формирования гражданского общества, потому что они вовлекают людей в свободное обсуждение важных проблем. Конкурс для его участников — это маленькое школьное историческое исследование. Для большинства — сочинение написано, исследование закончено, и дальше другая жизнь и другие задачи. Но если говорить о сознании, о том самом открытом сознании, без которого в будущее нам не вписаться, то эту задачу конкурс решает.

Александр Архангельский,
писатель, историк

Конкурс «Человек в истории» — это не просто очередное интеллектуальное состязание по проверке знаний истории. Сам ракурс конкурса выводит его участников на совершенно иную методологию исторического знания. Этой методологии у нас почти не было, она связана со знаменитой французской школой «Анналов», стремящейся к анализу истории ментальности, к исторической динамике развития личности и сознания, то есть, прежде всего, к истории событий через судьбы людей. Участники конкурса втягиваются в такой захватывающий процесс, что даже Шерлок Холмс умер бы от зависти. Я считаю, что за этим конкурсом — новая линия истории, которой раньше в нашей школе не было. Не хочу показаться человеком, который любит гиперболы, но, тем не менее, ознакомившись с работами конкурса, самыми разными, мне хочется преувеличивать, мне хочется прибегать к гиперболам — потому что за этими работами стоят не просто некие ученические потуги, а за ними стоят судьбы растущих личностей, которые через этот конкурс ищут дорогу к самостоятельности.

Когда говорят о памяти, то часто память ассоциируют с прошлым, но это не совсем точно. Это не дверь, открытая в прошлое. Я хочу напомнить строчки О. Мандельштама:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И свою кровью склеит
Двух столетий позвонки?

Школьные работы склеивают XX и XXI век.

Александр Асмолов,

член-корреспондент Российской академии образования

Кроме большой официальной истории, записанной, переписанной, существует малая история семьи, которую можно забыть, но можно и восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого. Эта «микроистория» — приключения малой песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка — отдельный человек со своей уникальной историей — несет на себе отпечаток времени.

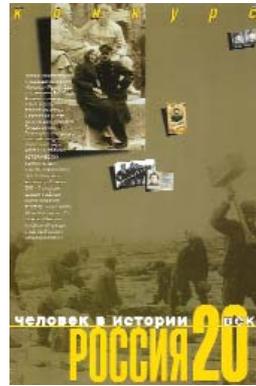
Сегодняшние молодые люди, исследуя документы и письма прошлого века, начинают понимать, какие жестокие испытания выпали на долю их предков, какое мужество и стойкость проявляли их деды в окопах чудовищной войны и в бараках сталинских лагерей, как безмерно трудна была жизнь их бабушек, — и поколенческое отчуждение сменяется глубоким уважением и восхищением. Связь времен восстанавливается таким образом, и в этом глубокий смысл замечательного проекта «Человек в истории. Россия — XX век».

Людмила Улицкая,

писательница

Плакаты конкурса

Темы конкурса в цитатах из школьных работ

История семьи

Полина Герасименко (Ульяновская обл., с. Лесная Долина)
Из России в Россию

В моем распоряжении старые фотографии, документы, личные вещи, воспоминания взрослых моей семьи. А вспомнить есть что: переселение прадедов из Центральной России в Сибирь в годы аграрной реформы Столыпина, раскулачивание и спецпереселение на север Сибири, где отбывали еще и наказание в лагерях и откуда были освобождены через 20 лет, а затем вынужденное переселение из Казахстана уже моих родителей после распада Советского Союза. В приложении к моей работе на карте показан этот путь «из России в Россию». Это почти столетнее переселение моего рода по маминой линии сделало нас стойкими, не озлобило наши души, не оставило обиды на Родину.

Михаил Степанов (Челябинская обл., г. Троицк)
Только раз бывают в жизни встречи

Ещё больше я задумался, когда написал эту работу. Появилась, конечно, гордость. Не всякий мой ровесник знает шесть поколений своих предков. И потом, хотя они не аристократы, не дворяне, но и не последними

людьми оказались... Не будь революции или не будь её последствия такими, они могли бы и большего достичь. Во всяком случае, такие гены и обязывают, и обнадёживают. И ещё, оказывается, история начинается не с меня или моих старших родственников, живущих со мной, а много раньше. Значит, для кого-то я могу стать тоже таким легендарным пращуром?..

Цена победы

Снежана Караваява (Мурманская обл., г. Мончегорск)
Жизнь за линией фронта

Я обратилась к бабушкиной деревне, где я бываю каждое лето. Деревня Городок расположена в Белоруссии, в Минской области, в Молодечненском районе. Началась война и пришли немцы... Мне захотелось узнать и понять, как переживали это горе люди разных национальностей, какие у них были взаимоотношения между собой и с окружающими. Кто кому был друг, а кто — враг? Почему в одинаковых жизненных ситуациях одни поступали так, а соседи, жившие столько лет рядом, совсем по-другому? Почему одни в тяжелые годы войны жили более-менее спокойно, женились, рожали детей, другие шли в партизаны, а третьи умирали в гетто? Конечно же, я много слышала об этих годах и раньше, читала в кни-

гах, смотрела фильмы. Но у меня есть уникальная возможность поговорить с участниками тех событий, услышать их мнение и посмотреть их глазами на далекие сороковые годы прошлого столетия.

Елена Грудина (Мурманская обл., г. Мончегорск)

Судьба, опаленная войной

Моя крестная, Екатерина Федоровна Богданова, за свою долгую жизнь прошла много испытаний, она была в немецких концлагерях. Ей чудом удалось выжить. Вернулась на родину, но вместо теплого приема и поддержки, в которой она тогда больше всего нуждалась, ее ожидало презрение, ненависть соотечественников. За что к ней так относились? Ведь крестная никого не предавала. Я решила найти ответ на этот вопрос.

Надежда Скрипко (Республика Карелия, г. Петрозаводск)

Памяти детства...

Так случилось, что рассказ моего дедушки о своем детстве малолетнего узника финского лагеря для переселенцев в период оккупации Карелии финнами совпал с информацией, полученной на уроках исторического краеведения о Карелии в годы Великой Отечественной войны. Я узнала, что в городе Петрозаводске, где я родилась и живу, в годы оккупации было 6 концлагерей...

Не описать тяжелое положение малолетних узников (хотя обойти это

стороной оказалось невозможно), а сконцентрироваться на исследовании именно детских впечатлений тех, кто оказался невольными участниками трагической страницы истории моего города. Именно такую цель поставила я перед собой, взявшись за эту работу.

Аксинья Козолупенко (Республика Башкортостан, с. Свобода)

Частушки жителей с. Свобода о рождении, жизни и смерти одного из совхозов СССР

Уже в июле 1941 года больше половины трудоспособных мужчин села призвали на фронт. Главной силой в деревне стала женщина.

В своих работах школьники использовали уникальные документы, пылившиеся в местных архивах или на книжных полках старых домов, записали тысячи страниц живых воспоминаний свидетелей или участников исторических событий: крестьян, переживших коллективизацию, бывших заключенных сталинских лагерей, солдат Великой Отечественной, афганской и чеченских войн. Это не обычные школьные сочинения, это серьезные исследования, в которых школьники на примере жизни одного человека или целой семьи рассуждают о разных сторонах российской истории в XX веке.

«Московские новости», 13.05.2003

Девочки — война, война,
Девочки — страдания.
Нам теперь и за ребят
Выполнять задания.

С фронта не вернулись 643 человека.
С этого времени и до конца XX века в селе стало женщин больше, чем мужчин...

В Свободинский сельсовет
Провели электросвет.
Осветились уголки,
Но где же наши мужики?

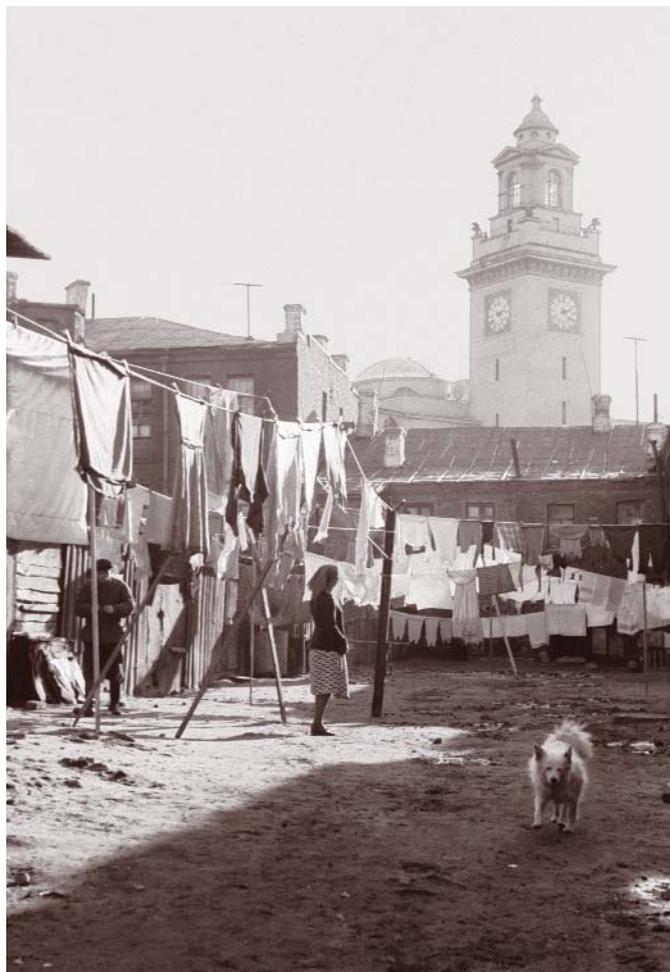
Человек и малая родина

Михаил Хрущев (г. Москва)
Постылая местность

Объект моего исследования — «постылая» местность, условно именуемая Автозаводской. Это — ряд улиц, объединенных названием станции метро. Взглянув на экологическую карту Москвы, я обнаружил, что Автозаводская находится в максимально дискомфортном районе. Экологическая катастрофа — это результат самой главной репрессии XX века. Можно сказать, что XX век несетя над Автозаводской, как огненный смерч, зародившийся еще в досоветский период. Прекрасный уголок Москвы сделали межзаводской клоакой.

Вадим Вафин, Юрий Полищук, Павел Ульянов (Республика Коми, г. Воркута)
Воркута: рождение города

Наверное, никогда уже не будет известно число людей, нашедших себе могилы на безымянных кладбищах

Воркуты. По воспоминаниям одного из бывших узников Воркутлага, который работал в лагерной санчасти, ему каждый день приходилось составлять шифрованные «цветные сводки» «наверх». Они выглядели примерно так: красных — 5, зеленых — 2, серых — 11, лиловых — 4, черных — 3. Это означало: красные —

больные с воспалительными процессами, желтые — с расстройством желудка, зеленые — малярия, серые — больные пеллагрой, лиловые — цингой, черные — мертвые. Проходил день, и желтые, красные, лиловые становились черными.

Человек и власть

Станислав Аристов, Алексей Чепрасов
(г. Воронеж)
Рядом с Андреем Платоновым

Мы назвали нашу работу «Рядом с Андреем Платоновым», так как события, о которых пойдет речь, касаются жизни и работы нашего выдающегося земляка в период его инженерно-мелиоративной деятельности в Воронеже... Наименее использованным биографами Платонова источником является архивное «Дело мелиораторов». Было ли само это «Дело» задумано ОГПУ «под Платонова»? Ведь известно, что он в нем неоднократно упоминается. Кем были те люди, с которыми он делил тяготы и радости нелегких землеустроительных работ в дикой и нищей российской глубинке 20-х годов и которые потом были осуждены по политическим мотивам?

Арина Габайдулина, Николай Нарижский, Анастасия Подольская, Елена Хаваева (Воронежская обл., с. Новый Курлак)
Когда колхозы были молодыми

Колхоз в Новом Курлаке получил имя И. М. Варейкиса, который был тогда

первым секретарём Центрально-Чернозёмного обкома ВКП(б). Недовольных новыми порядками было немало. Уже в ноябре, а точнее 7 ноября, в самый крупный большевистский праздник, это недовольство вылилось в открытое сопротивление. На сельсовете была приклеена листовка, где жители села призывались «браться за оружие» и «бить этих коммунаров», так как группы активистов продолжали вычищать хлеб до зерна и заставляли сельчан пополнять собой списки колхозников. В принципе, крестьяне были не против советской власти как таковой. Они считали виновниками всех бед именно коммунистов, которые, как им казалось, извращали идеи советской власти

и революции. Вот почему выступление произошло 7 ноября, в день революции. 13 ноября ОГПУ были арестованы двенадцать жителей села Новый Курлак. Кто же они, эти «враги»?

Нина Берденкова (Тюменская область, с. Борки)

Узник Ягринлага

Я воспитанница детского дома, и никогда не думала о том, что меня заинтересует чья-то судьба, потому что с раннего детства я была никому не нужна. Мне было очень больно это осознавать. Асия Валишевна, наш воспитатель, рассказала мне о своем отце и познакомила с дневником его воспоминаний о пережитом. У меня никогда не было дедушки, и я захотела узнать о нем больше, как будто это мой родной дедушка. Вместе с Асией Валишевной мы были в ФСБ Тюмени, где изучали его дело.

История повседневности

Татьяна Бойко, Екатерина Огородник
(г. Санкт-Петербург)

Советский человек в 1945–1965 гг.:
облик, дом, досуг

В наши дни уже почти не увидишь дверей коммунальных квартир — это интереснейшее зрелище — разнообразные по форме и звучанию звонки, расположенные вокруг двери, или бумажки с сообщениями о том, какое количество звонков должно быть адресовано каждой

семье. Вспоминает С. Е. Конторов: «В период 1950–1964 гг. жили в коммунальной квартире на Большом проспекте Васильевского острова. Кроме нас, там было еще 4 семьи, не работающая ванна, кухня с газовой плитой и 5 столиками, индивидуальные счетчики электроэнергии и бумажка на входной двери, сколько раз кому звонить. Все многочисленные жильцы коммунальной квартиры обычно пользовались одним туалетом. Места общего пользования убирали по очереди. Уборка проходила строго по расписанию, количество дней или недель дежурства определялось составом семьи».

Инна Печалина (Мордовия, г. Рузаевка)
История школьного аттестата

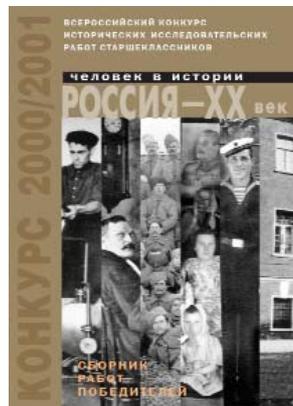
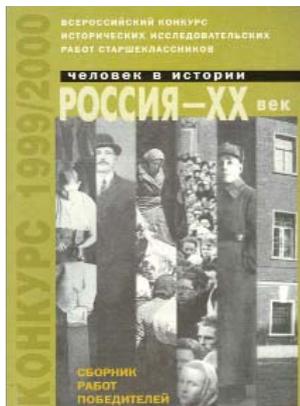
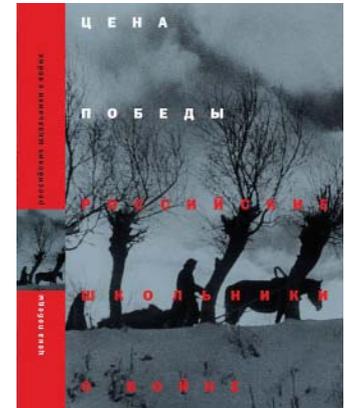
И чем больше было встреч, тем я сильнее убеждалась в том, что каждая семья должна иметь свой архив, пусть и очень маленький. Я сама уже иначе стала смотреть на те старые вещи, что хранятся в нашей семье. Они перестали казаться мне ненужными и напрасно занимающими место: маленький лоскутик резиновой клеенки, повязанный мне на ручку в роддоме, с датой моего рождения, первые рисунки моего брата, студенческие тетради моей мамы, старые пожелтевшие фотографии людей, мне не знакомых, но имевших какое-то отношение к нашей семье. И я прониклась большим уважением к тем, кто смог создать и сохранить свой небольшой семейный архив.

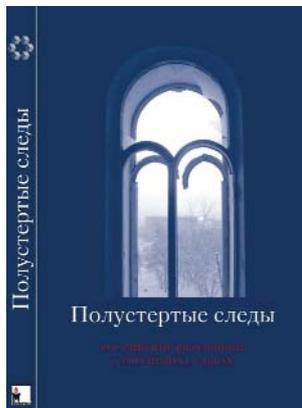

Представляем сборники конкурсных работ

Лучшие работы прошедших исторических конкурсов опубликованы в одиннадцати сборниках на русском языке. Это «Человек в истории. Россия — XX век» (2000, 2001, 2002, 2003, издательство «Звенья»), «Время местное, прошедшее» (2006, «Звенья»), а также пять тематических сборников: «Быть чеченцем: Мир и война глазами школьников» (2004, «Новое издательство»), «Цена победы: Российские школьники о войне» (2005, «Новое издательство»), «Мы все с одной деревни: Школьники села Новый Курлак Воронежской области о судьбах своих земляков» (2006, «Звенья»), «Полустертые следы: Российские школьники о еврейских судьбах» (2006, «Мосты культуры-Гешарим»), «Как наших дедов забирали... Российские школьники о терроре 30-х годов» (2007, РОССПЭН), «Круг семьи и колесо истории» (2008, «Звенья»).

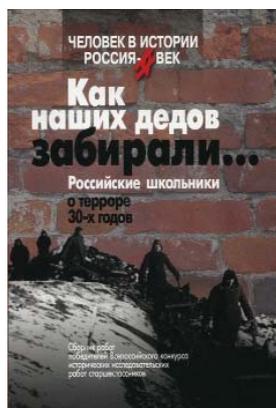
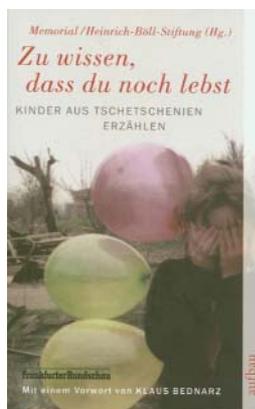
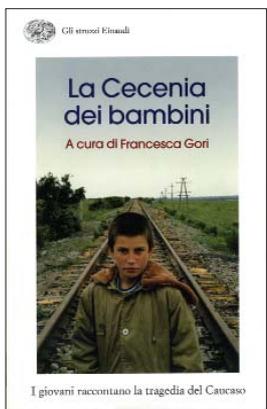
На немецком языке был издан сборник лучших работ нашего конкурса «Russlands Gedächtnis. Jugendliche entdecken vergessene Lebensgeschichten» («Память России. Молодые открывают забытые страницы биографий», издательство Edition-Koerber-Stiftung, 2004). В том же издательстве в 2006 году вышел сборник «Unruhige Zeiten» («Смутные времена»), в котором собраны работы немецких школьников о России, и русских — о Германии. Сборник «Быть чеченцем» переведен на немецкий («Zu wissen, dass du noch lebst», издательство «Aufbau», 2007), норвежский («Å være tsjetsjener Vitnesbyrd fra krigens barn», издательство «Humanist forlag», 2006) и итальянский («La Cecenia dei bambini. I giovani raccontano la tragedia del Caucaso», издательство «Einaudi», 2007) языки.

«Глядя на вас, я вспоминаю своего деда, Льва Саввовича, — поделилась своими воспоминаниями с ребятами Элла Панфилова, председатель Комиссии по правам человека при президенте России. — Мой дедушка был раскулаченным, его сослали в Среднюю Азию. Когда я была девочкой, видела, как мой дед перелистывал книги и плакал. Сейчас жалею, что мало спрашивала Льва Саввовича о его судьбе. Теперь выстраданная им история страны ушла вместе с ним. Но я рада, что труд участников конкурса “Человек в истории. Россия — XX век” не уйдет в пустоту».

«Трибуна», 07.05.2003

Если бы бабушка вела дневник

Большую часть своей жизни я провел на Чукотке. Мама и папа работали медиками в передвижном медицинском отряде, оказывали необходимую помощь коренным жителям и с трехмесячного возраста возили нас, меня и брата, с собой. Потом мама поступила в аспирантуру, и мы все поселились в Москве.

Мне очень повезло, что я родился, когда все мои бабушки и дедушки были живы. О ком же написать? Пожалуй, о моей бабушке по маминой линии. Совсем не потому, что она — экзотический персонаж, а из-за того, что в ее жизни уместились и смешались разные эпохи. Она родилась на Чукотке в семье потомственных оленеводов. Я решил, что лучшей формой будут «отрывки из дневника», написанного бабушкой. Но поскольку она не умеет писать и даже не знает о том, что такое дневник, то я взял на себя смелость написать дневник за нее, взяв за основу ее устные воспоминания, которые я запомнил или записал.

1945 год. Меня зовут Вынтэнэ (по-чукотски — рассвет), но мама меня называет ласково — Коо. Не знаю, в каком году я родилась, так как у нас этого не запоминают, а запоминают то особенное, чем год рождения отличается от всех остальных. Например, моя сестра Тынэрультэнэ родилась в год, когда было очень много комаров, а я — в год, когда было наводнение.

Я знаю, что мы живем посредине Чукотки. Далеко от моря. Рядом текут реки: Олойчан, Уляган, Олой. Они впадают в большую реку Омолон. Недалеко от нас кочуют другие чукчи, а еще ламуты, коряки. Мы — оленные чукчи, а есть еще береговые.

Цитата. «Авторы первых известий о чукчах делят их на оленных, “сидячих” и “пеших”. Нетрудно понять, что “чукчи оленные” — это те, кто имел оленей, вел кочевой образ жизни. “Сидячими” называли группу оседлых чукчей, которые жили на побережье моря, охотились на диких оленей и на морских млекопитающих».

История и культура чукчей / Под ред.

А. И. Крушанова. Л.: Наука, 1987. С. 54.

Папа умер, когда я была маленькой. Маму зовут — Тэркитваль. У папы была и вторая жена — Келянэ. Так раньше женились, чтобы стада объединить, а то маленькие стада трудно пасти. Нужно было еще много детей, для того чтобы они пасли оленей. У меня было много братьев и сестер. Некоторые умерли еще в детстве.

Теперь я напишу о том, что я помню. Начну с детства.

Это случилось, когда я была очень маленькой. Я в то утро еще спала, лежа в пологе яранги. Меня разбудили крики на улице и шаги в нашей яранге. Сквозь сон я поняла, что к нам в стойбище приехал чужой — лечить моего старшего брата. Вскоре я услышала удары по ярану¹.

Филипп Абрютин
Чукотский АО, Билибино — Москва
Первая премия, 2000 г.

¹ Яран — чукотский бубен.

² Керкер — женская чукотская одежда в виде мехового комбинезона.

Я открыла глаза и увидела возле костра старика в маске. Он бил мохнатой колотушкой по огромному ярару и прыгал вокруг брата. Сначала шаман сам бил в ярар, а потом встал посредине яранги, прижал к груди ярар с колотушкой и выкрикнул непонятные мне слова. Затем произошло невероятное: он опустил руки, а ярар сам собой держался на груди шамана и колотушка сама била по ярару. Так продолжалось, пока шаман не окончил петь свою песню. Как только он кончил петь, все упало на землю...

Через некоторое время мой брат выздоровел, а мы перекочевали и никогда назад не возвращались.

В тот день все было как обычно, но очень скоро брат примчался на упряжке оленей. Брат рассказал, что видел чужие следы на снегу неподалеку от места, где паслись олени. Все сильно заволновались. Пастухи перегнали оленей подальше от этого злополучного места и стали ходить на дежурства по несколько человек. Вскоре пошли слухи и из других стойбищ. Что там видели необычные следы, вроде бы похожие на следы чудища. Все чукчи готовились к схватке с чудищами, как вдруг поползли слухи о том, что это вовсе не чудища, а — таннет (с чукотского — бледные, русские). Все успокоились, а потом появился и сам русский. Мама потом мне рассказывала, что он заявил, будто его прислали большие начальники отобрать у нас оленей, чтобы отдать бедным в других местах.

Так я впервые узнала о русских. Сейчас сижу и пишу свой дневник и удивляюсь тому, что мы так боялись этих русских, ведь они такие же, как и мы, только

больные на вид и бледные, и даже глаза у них светлые.

После этого все в нашем стойбище начали спешно собираться кочевать за перевал. Нам очень не хотелось уезжать, потому что моя старшая сестра Тынерультынэ была беременной. Путь был нелегким, но самое ужасное случилось, когда мы начали подъем. Перевал был крутым, и сами олени не могли преодолеть его, поэтому нам всем пришлось толкать нарты. Пришлось толкать и моей сестре. И от такого напряжения она родила мертвого ребенка прямо в керкер².

Все наспех поставили ярангу, даже не разгребая снег, и развели костер. В этом костре нагрели камень и поместили его в кукуль, чтобы согреть его и положить в него сестру — ведь было очень холодно: стояла середина зимы, а на перевале дул сильный ветер. Тынерультынэ выжила, правда, стала инвалидом. На следующее утро мы увидели, что по нашему следу едут упряжки орочей. Мы не успели собраться и откочевать, как нас уже настигли русские с орочами. Среди русских был Пыльвынтэ (от чукотского — железная нога). Так мы его называли, потому что он был на костыле. Он был очень злой из-за того, что им пришлось догонять нас. Он сказал, что если кто-нибудь будет сопротивляться, его расстреляют. Они забрали почти всех наших оленей и погнали их назад. Так мы стали бедняками, а мне пришлось идти батрачить у родственников.

Мой комментарий. Если бы в то время направили личный труд чукчей-оленеводов на всеобщую пользу без коренных изменений духовной и материальной культуры и без насильственного навязывания другой культуры, то это было бы лучше не только для чукчей, но и для всей страны. Известно, что на Чукотке были восстания, но они были подавлены, а шаманов просто уничтожали.

А вот еще. Мне было лет двенадцать. Я в стаде, ночь. Вечером вокруг стада ходил медведь, и я очень боялась. Я забралась в глубь стада, потому что там теплее и безопаснее. Я проснулась от утреннего холода. Одея я была очень пло-

хо: у меня уже совсем протерлись торбаза³, а летний керкер порвался. Потом я иду по сопкам и отковыриваю палкой норки мышшей и сусликов. Если повезет, нахожу гнездо куропатки и тогда съедаю одно яйцо, а другие — оставляю. Если удастся, поймаю мышшь или суслика, обжариваю их на костре и ем. Лучшие всего пасти вдоль речки — тогда можно поймать хариуса или конька. А так ем в основном коренья разные, ягоды, грызу шишки. К маме я не могла ходить, так как постоянно должна была находиться в стаде. Правда, от людей из других стойбищ я слышала, что мы теперь вроде бы все вместе — хозяйева оленей, потому что так приказали русские. Теперь это называется, кажется, артель или колхоз.

Мой комментарий. Это была первая болезненная ломка. Семейные оленеводческие коллективы стали превращать в производственные бригады. В них включались люди другой национальности из других мест и даже освобожденные заключенные. Бабушка говорила, что таких было много и что они сильно повлияли на местных жителей.

1942 год. Приходилось много работать. Нам говорили, что идет война. Надо было шить торбаза, рукавицы, кукули и другую меховую одежду, чтобы помогать солдатам. Мама очень часто болела и кашляла, но даже больная работала. Шить было очень тяжело. Все время приходилось работать в темноте. Поэтому всегда сильно уставала, болели глаза... Мама умерла.

Сочинения очередного конкурса в очередной раз демонстрируют, какие умные, смелые, свободные у нас выросли дети. Свободные от ритуалов научности при всем серьезном, действительно научном содержании исследований.

«Знание — сила», №1, 2004

Особое внимание в нынешнем конкурсе «Мемориала» ... было обращено на тему «Судьба под знаком OST». Победители встречались и с ветеранами и с бывшими узниками концлагерей. Эти встречи способствовали наведению мостов между поколениями.

«Московская Немецкая газета», 26.04.2005

³ Торбаза — обувь из шкуры ног оленя, лося или из шкур морского зверя.

Мой комментарий. В годы Великой Отечественной войны многие чукчи не только помогали сдачей мяса, пушнины и своим трудом, но и сдавали деньги на оружие, приобретение танков и самолетов.

Конец 1945 года. Вчера за нами приехали русские и сказали, что нам надо ехать в поселок и получать важные бумаги. Раньше я была в этом поселке всего один раз, но когда мы въехали в него, я не поверила своим глазам. Везде стоят деревянные дома. Нам сказали, что есть печки, которые дровами греют дом, и он все время теплый, даже ночью. Я никак не могу в это поверить. В одной огромной палатке стоит сразу много печек, а над ними подвешены и сохнут большие деревья для строительства новых домов. Трубы постоянно дымят. Всюду ходят чужие люди, говорят по-русски, показывают на нас пальцами и смеются. А там, где раньше олени топтали землю, сейчас стоит самолет, который летал на войне. И я сама увидела, как он зарычал, а потом и взлетел.

Нас повели в дом. Когда мы в него зашли, нас подвели к человеку, который спросил меня, как меня зовут. «Вынтэнэ», — ответила я ему. Но он сказал, что это только фамилия и надо иметь еще имя и отчество. Он сказал, чтобы я выбрала имя и отчество из тех, которые он мне перечислит. Я выбрала, он дал мне бумагу и поздравил с тем, что у меня теперь есть паспорт, я теперь Вынтэна Мария Васильевна.

1946 год. Это произошло полгода назад. Все бригады съехались в Омалон сдавать мясо оленей. Тогда я увидела этого

человека первый раз. Он меня сильно удивил — светлые волосы и голубые глаза. Он ко мне подошел и говорит, что хочет меня забрать. Все начали его прогонять и орать, что он не чукча и оленей пасти не может, что он сидел в тюрьме. И даже говорили, что если он попытается меня забрать, то они его убьют... На завтра я была одна и разделявала оленя, когда он ко мне подошел и сказал, что его зовут Иваном, и спросил, хочу ли я с ним уехать в его бригаду. Я ответила, что не знаю. Он сказал, что если я решусь ехать с ним, то я должна буду прийти завтра к нему, когда он будет уезжать из поселка. Утром я пришла к нему, но сказала, что если родственники узнают о том, что я уехала с ним, то могут убить нас обоих. Правда, он не умел говорить по-нашему, а я по-русски, но мы все равно поняли друг друга.

Иван смеялся и показал, как он прячет меня. Он положил меня на нарту, накрыл шкурами, а сверху привязал перевернутую нарту. Я была как ребенок. Мы ехали быстро, потом Иван погнался галопом и что-то кричал по-русски, вскоре я услышала чукотские крики и даже узнала голоса — это были мои родственники. Вскоре нарта остановилась — нас догнали. Мои родственники были очень злы, что Иван украл меня, но еще больше разозлились, узнав, что я не хочу возвращаться к ним и снова батрачить. Они стали бить Ивана, и резать на мне одежду. Порезали ремни упряжи, отобрали у меня паспорт. Я осталась почти голой — этого они и хотели: «Лучше подохни в тундре от холода», — сказали и уехали.

Иван отдал мне свою одежду и мы продолжили путь. Через несколько дней

мы приехали в его бригаду, где я и начала работать. А еще через некоторое время мы поехали в поселок и там мне выдали новый паспорт, где я была уже Процкой Марией Васильевной...

1950 год. Сегодня к нам приехало очень много людей из соседних стойбищ. Большие начальники говорили нам, что мы должны создать советское хозяйство и войти в него со своими оленями... Если мы сделаем оленей государственными, то они будут нам привозить еду и курево. Многие не хотели отдавать оленей государству, так как тогда они останутся ни с чем. Но начальники говорят, что нам не надо бояться — ведь нам надо просто записать оленей государственными, а они останутся с нами и мы будем сами их пасти. Все мужики согласились создать совхоз и записать оленей государственными... Вечером мы сидели в одной яранге и говорили об этом с женщинами. Возле костра сидела древняя старуха из далекого стойбища. Она все время молчала, а потом вдруг тихо заговорила. «Все у вас будет хорошо, — сказала она. — И оленей будет у вас много и еды, и курева, и аккимэль ⁴ вам привезут. Но это будет сначала. А потом все пропадет: и олени, и дети, и счастье. И вас самих не станет!» Воцарилось молчание, и вдруг в костре с сильным звоном взорвался уголек. Все вздрогнули, ибо знали, что это верная примета, которая подтверждает сказанное.

Мой комментарий. Преобразование колхозов в совхозы было одним из поворотных пунктов в судьбе чукчей. С одной стороны, укрепилась экономическая структура, а с другой — начала рушиться духовная культура.

1953 год. Сегодня к нам в совхоз пришло письмо Ивану. Иван открыл письмо, прочитал, сказал мне, что Сталин умер. С него, с Ивана, сняли судимость.

1955 год. Родилась дочь Лариса, **1959-й** — Света, в **1961 году** долгожданный сын Володя: для Ивана было счастьем иметь сына.

1963 год. В этом же году в тундре была вспышка дизентерии и брюшного тифа. Болела вся тундра, многие умирали. После этого летом к нам приезжали русские и говорили, что нужно отдать своих детей в школы и в детские сады, чтобы в стойбище ни один ребенок не остался. Все мужики соглашались отдать детей, но я не хотела этого. Поэтому, когда детей у меня отобрали и повезли в Омолон, я по первому снегу покочевала налегке за ними. Приехала и сразу же направилась в детский сад. Там меня встретила воспитательница и спросила: «Что вам здесь надо?» Я ответила, что мне надо срочно повидаться с детьми. «Ну ладно, — согласилась она, но приказала, — только не заберите их с собой!» Я уверила ее, что так не поступлю, и встретилась с детьми. Быстро усадила в мешки Володю и Свету и сказала им, чтобы сидели тихо. Положила мешки на нарты и повезла к вертолету. Так мы вместе и улетели из Омолона, так я стала воровкой и «выкрала» своих детей.

Комментарий. По моему мнению, роль школ-интернатов была бы положительной, если бы не опять-таки насильственное привитие другой культуры и длительный отрыв от родителей.

⁴ Аккимэль или аккзимэль в переводе с чукотского — плохая вода, так еще называют водку.

⁵ С чукотского — настоящий человек.

1967 год. Особенный был год. Пришло письмо с Брянщины. Родители Ивана звали к себе: перед смертью хотели увидеть всех нас. И мы решили уехать на материк насовсем. Думали, что там нам всем будет хорошо. Там тепло, фрукты, овощи, да и старикам надо помочь. Иван думал, что там ему будет лучше: у него сильно болели ноги и спина, особенно после дежурства в стаде.

Путь был долгим и трудным, ведь детей было много. Я очень волновалась, как меня примут родственники Ивана, как я буду менять тундровую жизнь на деревенскую. В совхозе не хотели, чтобы Иван уезжал. Его ценили, он был хорошим оленеводом, он был наш, как чукчалыгыгораветлан⁵, только глаза светлые. До Хабаровска мы летели на самолете, а из Хабаровска до Москвы — поездом. Запомнилось, как Иван нам с детьми показывал Москву на такси. Водитель возил нас по важным местам, были даже на Красной площади. Такой красоты я не видела.

В деревне нас уже давно ждали. Но жизнь тут оказалась для нас тяжелее, чем в тундре. Семья большая и прокормить ее в деревне трудно. Дети пошли в деревенскую школу, а я работала по хозяйству, помогала свекрови. С трудом научилась доить корову. В деревне я впервые увидела иконы — их в хате было несколько. Иван мне про все церковные праздники рассказывал, подробно объяснял, что когда надо делать и что надо готовить. Помню, как на пасху красила яйца и пекла куличи.

Так прошло два года. Иван работал конюхом, в совхозе зарплата была совсем маленькой. И мы решили вернуться

в Омолон. Иван дал телеграмму в совхоз, что хочет вернуться. Так в 1969 году мы вернулись на Чукотку. Я была счастлива: я опять на родине.

1971 год. Этот год очень хороший. У нас много оленей. Я счастлива! Наша бригада лучшая! Наш совхоз самый знаменитый, в нем 15 бригад и больше 30 тысяч оленей. Нам даже дали за это орден. Иван самый передовой бригадир и все хотят у нас работать. Я тоже стала известной и даже получила медаль «Мать-героиня», так как родила восьмерых детей. Правда, очень плохо, что в тундру стали привозить водку, спирт, ром. Сначала люди боялись этого, пробовали только на вкус и плевались. Но постепенно стали так много пить, что даже умирали. Бывает, что вся бригада так напьется, что выручают только дети, которые сутками держат стадо.

Цитата. На Чукотке, по официальной статистике, даже при низкой выявляемости этого заболевания, за последние три года заболеваемость алкоголизмом возросла на 24%. «Смертность от хронического алкоголизма за это время у мужского населения возросла в 6,5 раз, а у женского — в 19 раз».

Сулейманов С. Ш. Здоровье аборигенов Чукотки. Хабаровск: Дальневосточный пограничник, 1996. С. 103.

Комментарий. Ученые доказывают, что у чукчей есть предрасположенность к алкоголизму. Может быть, это и так, но мне кажется, что чукчи могли бы и не пить, если бы им не порушили жизнь. Алкоголь для чукчей — это способ облегчения страданий, наркоз от чувства своей ненужности.

Многие конкурсанты впервые услышали правду о войне, чаще всего от своих собственных родных, тех самых родных, которые, если бы их спросил социолог, они бы говорили как-то усредненно: «великая победа», «вперед и да здравствует!», «под мудрым руководством», а своей внучке, своему внуку или даже внуку соседа они говорят совершенно другое. Это внушает некоторую надежду на то, что коллективная память о страшном трагическом событии, протяженностью в четыре года, эта память будет жить.

«Эхо Москвы», 07.05.2005

1978 год. С этого года Иван оформил себе пенсию. Теперь он может не работать в тундре и переехать в поселок. Но он решил, что мы будем оставаться в тундре, пока я не получу пенсию. А там видно будет — ведь директор совхоза просит, чтобы мы продолжали работать в стаде, потому что мало хороших работников среди молодежи.

Комментарий. Если хотели сохранить оленеводство и приобщить к благам цивилизации, то нужно было не чукчей притягивать к этим благам, а блага притягивать к чукам, то есть обеспечить им хорошую жизнь в стойбищах и не запрещать кочевание, а наоборот, воспевать его.

1982 год. Сегодня хороший день. Мне пришло письмо, где было написано, что я уже могу получать пенсию. И мы решили переселяться в поселок. Больше в тундре Иван не может находиться. Нужно ему быть поближе к больнице. Будем, наверное, работать в поселке сторожами на складе горючего.

1990 год. Это очень плохой год. Иван все чаще болеет. Все время жалуется на сердце. Суставы совсем распухли, и он почти не ходит. Уже не помогает ему ванна со стлаником и моняла ⁶, Он все время бредит. Он сказал: «Мария, приходи сегодня пряговых — будем кочевать на новое место», а потом вдруг очнулся и тихим ясным голосом сказал мне, что умирает. И попросил, чтобы его похоронили в землю, как у русских, а потом сделали все обряды по-чукотски. После этого его не стало. Укочевал мой Иван один, впервые без меня.

Мы сделали все, как он просил.

1991 год. Сегодня плохой день, очень плохой. Ко многим русским в поселке в почтовые ящики кто-то подбросил плохие записки. В них было написано: «Убирайтесь, русские, с нашей земли!». Кто это мог только написать?! Какой дурак? Сегодня по этому поводу собрались все местные, возмущались, пытались узнать, кто это все сделал, но так и не узнали. Одно могу сказать — плохо дело...

1992 год. Я на Кайэттэннэ в гостях у Кати. Хожу на рыбалку, ловлю рыбу, правда, ее в этом году очень мало. Сегодня к нам прилетели на вертолетах большие начальники из Омолона и Билибино. Еще приехало очень много пастухов. Объявили, что будет важное собрание. Оказывается, решили закрывать совхозы. Сначала выступил большой начальник: «Совхозы создали коммунисты. Мы теперь живем в другой стране по другим правилам и должны уничтожить все плохое, что осталось после этого времени. Конечно, было и хорошее в совхозах, но все-таки были большие недостатки: многие оленеводы и коренные жители стали иждивенцами. Потому что государство слишком много взяло на себя. А теперь если мы сделаем вас частниками, то вы сможете делать с оленями все, что угодно. Пора уже встать на ноги и обеспечивать себя самим! Пора уже учить своих детей их родному занятию!» Потом выступала Нелтык. Она была очень обижена на выступление начальника и сказала: «Почему вы нас назвали иждивенцами? Вы когда-нибудь пробовали пасти оленей? Побегали бы вы по сопкам в пурзу за оленями! Вот тогда бы поняли, какие мы иждивенцы! Вы говорите —

Кто рассказывает сейчас молодым о войне? Это, в основном, бабушки и прабабушки. В этих работах нет рассказов о командном составе, это совершенные будни войны. Что в них самое главное? Это то, что происходит деидеологизация памяти.

Радио «Свобода», 03.05.2005

⁶ Моняла — средство эвенской народной медицины.

надо учить своих детей пасти оленей? Как их теперь этому научить, если вы их сами испортили своими интернатами? Вы нас довели до того, что теперь мы должны снова научиться охотиться с луками и с копьями, ведь у нас нет ни ружей, ни патронов, ни палаток. А охотиться на кого? Ведь ваши браконьеры и старатели все повыбили. Получается, что забрали у нас все, что можно было забрать, а теперь предоставляете нам свободу!» Нелтык заплакала и села.

После этого выступил Мулкан. «Сорок лет назад под страхом винтовок и тюрем мы вошли в совхозы и отдали государству оленей. Мы все, начиная с малых лет, работали. Я знаю, что мы на самом деле вам не нужны — вам нужны только наши земли и теплые места начальников, от нашего имени управляющих Чукоткой, а мы вам нужны только, чтоб по телевизору показывать нас наряженными и анекдоты про нас рассказывать».

Все это мне очень не понравилось, и я ушла с собрания домой. Кто прав и что будет дальше, я не знаю, но чувствую, что будет беда. Уеду я, наверное, жить в Билибино к моей дочке Миле.

1998 год. В этом году я ездила из Билибино в Омолон проведать родственников да посмотреть на моих оленей. Когда я приехала, я удивилась. Красивые деревянные дома покорежились и постарели, а возле них были замерзшие коричневые куски льда — из воды, которая вытекла из лопнувших труб. Многие дома уже разобраны на дрова. На улицах было пустынно, словно все умерли. Все пастухи из нашего совхоза уже давно спились. А молодежь только драки устраивает или

ходит на свои дискотеки. В стаде работать не хотят. Я вспомнила предсказания женщины в яранге, которая говорила, что мы все станем бедными, голодными, без оленей и без детей. И я поняла, что мне еще повезло. У меня много детей и каждый при деле. Рая на «материке» работает, Мила работает дежурной в профилактории для оленеводов, который Лариска создала; Сашка, муж Милы, художник, его все ценят, Лариска работает врачом и учится в академии, Света работает воспитателем, Володя и Катя работают на перевалбазе Кайэттэннэ, Валя работает в ЖКХ, а Витя — рабочий в Омолоне.

Когда мы зашли к моим родственникам, я увидела, что у них нет даже света, потому что отключили электричество. На вопрос, где же мои олени, они с усмешкой сказали, что оленей уже давно почти ни у кого нет: их либо растеряли, либо пропили. Это вызвало у меня чувство горечи. На следующее утро я попросила Сашку съездить туда, где была наша бригада, и проверить — вдруг все-таки олени остались. Он уехал на «Буране» и вернулся только вечером следующего дня. «Пропили все твои оленеводы. Нет теперь ничего. Так что бери теперь свои шкуры оленьи и шей одежду не для людей, а для кукол, которых я сделал: на память о светлых временах».

19 декабря 1999 года. Сегодня выборы. Мила сказала, чтобы я шла голосовать. «Интересно, а я могу голосовать за Лариску?» — спросила я. Мила ответила, что Лариса не смогла записаться в кандидаты, и я не могу за нее голосовать. «Тогда за кого голосовать? А я знаю!

Я проголосую за нашего чукчу — Етылина», — сказала я. Мила мне сразу возразила: «Он все равно не пройдет, и твой голос не поможет ему ничем». «Тогда зачем идти на выборы? И я боюсь: вдруг меня начнут спрашивать, зачем я пришла, за кого буду голосовать, а я не знаю, и меня начнут ругать». «Не бойся, — сказала Мила — ты там никому не нужна, голо-

суй за кого угодно, а победит Абрамович из Москвы. Он друг начальника Чукотки и обещает много хорошего. О нем много говорят и он обязательно победит». После таких слов мне совсем расхотелось идти на выборы. Если мой голос ничего не решит, то зачем вообще идти на выборы? Выходит, я ничего не значу и ничего не решаю.

Наверное, мне лучше быть в тундре. Там вся моя жизнь, там все знакомо. Вот речка, в ней можно поймать рыбу и набрать в чайник воды. Вот сухие ветки, можно развести костер — все просто, радостно. Ни от кого не зависишь. Не думаешь: дадут пенсию или не дадут, привезут сегодня продукты или не привезут.

* * *

Моя бабушка, как многие чукчи-оленеводы старшего поколения, большая оптимистка. Я сам не раз попытывался у нее — считает ли она себя счастливой? И она всегда убежденно и горячо отвечала, что она не просто счастливая, а очень счастливая. И поясняла: «Потому что у меня была напряженная и тяжелая жизнь, но вместе с радостями, и я хотела бы, чтобы мои внуки смогли прожить так же свою жизнь: трудно и счастливо».

В конце прошлого века Джон Мьюр, путешествуя по Чукотке, записал в своем дневнике: «...чукчи кажутся добродушными, живыми, говорливыми, смелыми и тактичными людьми, любящими шутку и, насколько я видел, справедливыми в общении и сделках с любыми народами. Они уравновешенные и прилежные работники, и благодаря этому... способные выживать в любых условиях, даже когда болезни или другие бедствия настигают их стада либо в исключительно голодные и суровые времена»⁷. Вот к какому сильному народу принадлежит моя бабушка.

Кто рассказывает сейчас молодым о войне? Это, в основном, бабушки и прабабушки. В этих работах нет рассказов о командном составе, это совершенные будни войны. Что в них самое главное? Это то, что происходит деидеологизация памяти.

Радио «Свобода», 03.05.2005

Молодые люди, участвующие в конкурсе, организованном обществом «Мемориал», спрашивают своих близких, что дает им возможность представить себе истинные масштабы народной трагедии, не укладывающиеся в рамки казенного патриотизма.

«Парламент» (орган Германского Бундестага), 13.03.2006

⁷ Цит. по: Беликович А. В. Арктика: земля и люди. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1995. С. 77.

«Это наша с тобою судьба, это наша с тобой биография»

Мой любимый дедушка — ровесник советской власти, он родился в 1918 году в замечательной деревушке в четыреста дворов — Тугаево Гафурийского района.

Там и сегодня шумят тополя, посаженные им в детстве вместе с отцом. Прадед мой участвовал в Первой мировой войне, имел ранение, а когда вернулся, пошел защищать советскую власть, она дала ему больше земли.

Дедушка был тринадцатым ребенком и единственным уцелевшим и выжившим. Все его братишки и сестренки умирали в младенческом возрасте.

Прадед его очень любил, никогда мой дедушка не слышал не то что окрика в свой адрес, а даже какогонибудь бурчания недовольного. Он всегда говорил спокойно и уж тем более не поднимал на деда руку. Как-то дедушка нам рассказывал, что в его родной деревне мужики однажды сказали его отцу: «Ты что это, Гиззят, даже не бьешь своего сына, смотри, избалуешь...» А прадед им ответил: «Я и скотину не бью, не то что сына, а сына бить — последнее дело на земле, и вам не советую». «Доброе слово, запомни, сынок, — говорил он и моему деду, — дольше сердце греет, чем плеть».

В 1921 году, когда деду исполнилось три года, умерла его мать от тифа.

Дедушка до сих пор отчетливо помнит, как ехали они домой на тарантасе с похорон матери, прадед шел пешком рядом и всю дорогу молчал. Тиф, холера «косили» село. Из деревни в деревню никто старался не ездить, словно мор шел. Люди жгли у домов костры. Прадед рассказывал дедушке, что вечером каждого дня, прежде чем лечь спать, селяне прощались друг с другом, понимая, что утром могут и не встать...

А потом постепенно жизнь наладилась. Крестьяне работали, дети учились, мой дед учился в медресе, где изучал и арабский язык (как было еще до революции). Он до сих пор умеет читать на арабском языке, кроме всего, они изучали там и латынь. Дед до двенадцати лет в медресе учился, закончил в 1931 году. Дедушкино медресе засчитывалось за начальную школу.

Прадеда, как бойца Красной Армии, избрали аульным старостой, ему доверяли, его уважали, он был к тому же грамотным. С 1925 по 1929 год прадед строил пятистенный дом — это было солидно для крестьянина.

Народ в деревне любил гулять на сабантуях. «Сабантуй» проходил ежегодно, когда весной сажали хлеб. Проходил он очень шумно. Дедушка помнит, как еще пацаненком участвовал в скачках. Прадед сам посадил

Тимур Галиуллин
Республика Башкортостан,
г. Межгорье
Вторая премия, 2001 г.

его на своего любимого жеребчика и вручил в руки счастливому до предела сыну повод: «Смотри сынок, — он сказал, — коня не опозорь!» И дед прискакал первым! Призы давались великолепные по тем временам — их в складчину собирали. Каждый двор что-то жертвовал: барана, полотенце, отрез на платье, платок.

В 1931 году, когда дедушке исполнилось двенадцать лет, раскулачили прадеда. Тогда давали разрядки на

«кулаков»: пять семей на деревню. У прадеда было две лошади, две коровы и один скакун, тот самый «сabanтуйный победитель». Прадед имел и батраков, но работали они по договору и очень хозяина уважали, и он сам работал с ними на равных.

Прадеда под конвоем увезли на работу, на завод в Уфу, забрали всю скотину, скакуна. Но тот был очень привязан к дедушке, сбежал и ночью прискакал к дому весь взмыленный.

А днем председатель колхоза его забрал, дедушка за руки его хватал, знали же друг друга, умолял его оставить жеребчика, сильно плакал, но тот оказался неумолим, скакун упирался, идти не хотел, его привязали к телеге и били плетью, а дедушка плакал...

Это было одно из самых сильных впечатлений детства, дедушка об этом никогда без слез не мог вспоминать. А я думаю о выборе, который и перед председателем встал, когда мальчишка хватал его за руки и просил, просил...

В 1933 году уже всю их семью — мачеху, сестренку маленькую и дедушку — отправили за четыреста верст, сначала в районный центр Красноусольск, а затем по этапу.

Пришли за ними утром, дали пятнадцать минут, мачеха металась по дому, не зная, что схватить, у самого дедушки сердце, как он говорит, билось, как у кролика, очень испугался. Сто вопросов в голове: что с отцом? куда поведут? что будет? что взять с собой за пятнадцать минут? когда вернешься? и вернешься ли? Выходили люди посмотреть, как увезут Халиковых. Никто не смеялся. Мачеха беззвучно плакала, а дедушке было почему-то стыдно перед селянами. «Чувство обиды и позора, — говорил он, — ну какие мы враги народа?!»

Помнит дедушка огромную «реку людей», бесконечный поток и подводды, подводды, на них разрешалось класть котомки и младенцев. Все шли пешком, конвоиры на лошадях. Кто знал, что в этом людском потоке шла и бабушка, его будущая жена, которой было тогда пять-шесть лет.

Так дедушка оказался в Тюльме, в тайге, где уже был его отец, перевезенный из Уфы, вместе с остальными он строил наскоро сбитые бараки и даже школу. Выживали тяжело. Есть было нечего, холодно. Рубили лес для металлургического завода и сплавляли по реке до Белорецка.

Это было нечеловеческое напряжение: людей забирали на работу в пятом часу утра и пригоняли в бараки к семьям в одиннадцать, двенадцать часов ночи. Не успевала сохнуть вымокшая на снегу, промерзшая одежда, ее, полузамерзшую, надевали с утра и снова в лес на работу. В бараках было четыре комнаты, в каждой жили четыре-пять семей.

Дедушка смог убежать на следующий же год — 1934-й и добраться до

родной деревни. Шел только ночью, днем прятался. Люди, спасибо им, помогли, кто хлеб даст, кто кислое молоко...

Дядя Гата, он уже был председателем колхоза, помог дедушке восстановить документы, отдал мальчика в семилетку: это уже была советская школа, но обучали на татарском языке, никакой еще тогда русификации не было. Дядя, конечно, сильно рисковал, однако выбор сделал и помог мальчишке, чем мог.

По окончании семилетки дедушка рвался к отцу, проведать его, семью. Дядя просил подождать до лета. Но дедушка все-таки пошел. На лыжах по тайге шел четыре дня! И дошел! Дорога запомнилась на всю жизнь, было холодно, страшно, чуть не заблудился. Когда дедушка добрался до родных, оказалось, что они стали жить чуть лучше. Был 1935 год. Снова у прадеда была корова, разрешали подсаживать картофель и ходить в лес за грибами, ягодами. Хотя слезка за каждым продолжалась.

Прадеда в Тюльме очень уважали. Он получил «Золотой топор», это было очень нелегко — он был стахановцем, по 12 кубометров дров срубал. Комендант приказал и дедушке остаться в Тюльме и работать лесорубом. Но дедушка отказался. Он страшно хотел учиться, как сам говорит, «кипел желанием доказать, что он не кулачье отродье», что они никакие не «враги народа». Тогда дедушку вызвали в комендатуру в селе Инзер, где комендант кричал на него, сорвал с дедушки все значки

ГТО 1-й и 2-й степени и они рассыпались по полу. На пятнадцать дней его закрыли в каталажку в Тюльме, хотели сломить его, но он стоял на своем. Затем, когда дедушка заболел и ослаб, его отцу разрешили взять его. Комендант сказал: «Смотри, убежит — посадим тебя, семья по миру пойдет, а оставишь сына здесь, хлеб дадим».

Каждый день зам. коменданта Худобкин утром и вечером проверял, дома ли дедушка. А дедушка, поправившись, каждый день откладывал сухарики на дорогу: готовился бежать! Он тайно отправил по почте свои документы в Серменевское педучилище и был уверен, что они уже дошли. Он, бедный, и не предполагал, что письмо с его документами давно уже на почте изъято и передано коменданту.

И вот в конце июля, за день до экзамена, дедушка вышел с уздечкой из дома — как будто искать лошадь, а в лесу им уже прошлой ночью был спрятан мешок с сухарями. Ранним утром, когда они прощались, прадед отец сказал еще раз сыну: «Сынок, может, останешься, все-таки здесь вместе тихонько выживем, а там неизвестно, что они сделают, если поймают, спорить с ними бесполезно». Дедушка ответил: «Мы никакие не враги, я хочу учиться, только если они из-за меня тебя посадят, тогда я приеду». «Меня не посадят, — говорил прадед, — я работать должен, я им как работник нужен, об этом не беспокойся, ладно уж, будь что будет, может, и бог поможет...»

Ученица 11 класса Сосногорской школы № 2 Надежда Шалаурова, ставшая призером всероссийского конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», в числе 18 юных россиян была приглашена в Германию на встречу победителей исторических конкурсов из разных стран. «Когда я заинтересовалась судьбой прадеда, который, прожив всю послевоенную жизнь в США, в 2000 году отыскал своего сына, моего дедушку, в России, я и не думала, что это выльется в историческую работу».

«Заря Тимана» (газета Сосногорского района Республики Коми), 04.04.2006

По дороге в Реветь случайно нагнал его Худобкин, дедушка говорит, что страшно испугался, «ноги не шли», но сообразил сказать, что отец отправил к знакомому забрать долг в Ревети и на обратном пути лошадь найти. Худобкин, как ни странно, поверил, а дедушка, огибая Инзер (понимал, что там его уже могут ждать), рванул на соседнюю станцию Айгир и на товарняке — до Серменево.

Сдал вступительные экзамены, поступил в училище (документов не было, он еще не понял, что их просто изъяли, пришлось сказать, что вот-вот придут, ведь он их отправил, ему поверили и до экзамена допустили). Счастлив был до предела! «Душа пела!» — говорил дедушка.

Шел 1936 год... И тут, через два месяца, еще снега не было, заходят на урок истории два милиционера:

— Кто Халиков?

— Я Халиков, — ответил дедушка, в глазах стало темно... «Было очень стыдно мне, — вспоминает дед, — будто я сделал что-то очень плохое».

Посадили его в тюрьму, и вот удивительно, как хватило деду ума написать письмо в прокуратуру и через одного заключенного передать. В нем он, как мог, на родном татарском языке написал и о Худобкине, и о сорванных значках ГТО, которыми очень гордился и дорожил... И вдруг вызвали его к следователю, там сидели еще 3–4 сотрудника в форме и комендант. Тот, кто вел разговор, расспрашивал и о значках, и о каталажке. Дедушка чувствовал, что какое-то «странное провидение» помогает ему. Комен-

данта отчитывали, как школьника, за сорванные значки и приказали все вернуть, а тот мялся и краснел. Дедушка был поражен. (Может быть, этим «провидением» были слова Сталина, сказанные им в 1935 году, что «сын за отца не отвечает». Во всяком случае, так думает дедушка).

В 1939 году по окончании педучилища дедушка впервые смог купить сандалии, в них он и сфотографировался с гордостью, а так ходил в лаптях. Сандалии в 1939 году — роскошь! Ходил в них в особых случаях, берег, на танцы шел босиком, а потом надевал, уже на площадке.

На работу его распределили учителем в Стерлитамак. Когда он шел по улице, каждый, кто его знал, незави-

симо от возраста, здороваясь, шапку снимал. Это было непривычно и очень приятно. Был, как сам говорит, просто счастлив, если бы не мысли о находившейся в ссылке семье. Вот отсюда и дедушкина любовь к профессии учителя, которая с годами не уменьшалась, а росла.

Война...

О войне дедушка говорить спокойно не может. Мама и тетя говорили мне, как дедушка после войны часто по ночам будил всех криком: «Танки! Огонь!» Бабушка его будила, успокаивала и плакала тихонько. «А мы, — говорила мама, — тоже начинали плакать, нам страшно было...» У дедушки (он инвалид) был прострелен позвоночник. Осколками от снаряда все лицо мелко-мелко исполосовано, глаза чудом сберег, были сильные ожоги головы, и волосы с тех пор не растут. Вся спина его в шрамах, смотреть страшно, он пережил тяжелую контузию. Раны преследуют его всю жизнь, но он никогда не жалуется, просто лежит молча, смотрит куда-то вдаль. Разве сможешь рассказать все?

Сталинград немцы бомбили до иступления. «Все время мрак, — говорил дедушка, — темно, потому что дым пороховой, и земля, лежишь на ней, а она волнами ходуном под тобой ходит, руку протяни — ничего не видать, часы разбиты, непонятно — какое время суток. Бывало так, что стучались друг об друга стрелявшие, наш и немец, оборачивались и... врупкопашную».

Дедушка хорошо запомнил майора, который на Волге переправой

руководил. Он был молодой и совсем не обращал внимания на рвущиеся снаряды, он сильно кричал, ругался, кого-то торопил, кому-то быстро помогал, когда образовывался очередной затор. А дедушку на плащ-палатке приволокли к переправе два раненых бойца, и когда они его под бомбежкой тащили, один сказал: «Он мертвый давно уж, а мы тащим, оставь». «Нет, живой, он земляк мой из Башкирии, не оставлю, пока ноги идут, ни за что не оставлю», — сказал другой. Дедушка навсегда лицо его запомнил, только уже мертвое. Снаряд разорвался совсем-совсем близко, и этот солдат дедушку успел закрыть собой, упав на него. И уже не поднялся, а в следующий миг всего в нескольких метрах от них прямым попаданием убило и майора. «Иногда ночью, во сне, — говорил дедушка моей тете и маме, — я его голос слышу, его команды...»

Помнит дедушка, что в 1941 году было и такое: дремлешь-полудремлешь перед атакой, кто как, но утром вдруг обнаруживаешь, что нескольких бойцов нет, иногда до десяти человек уходило в тыл. Кого-то возвращали и перед строем расстреливали. Двоих таких дедушка помнит, они плакали и просили дать право «искупить кровью», но не дали. «Молодые они очень были, могли и испугаться, это понятно, можно было и дать им шанс, — говорил мне дедушка, — но таких всех под одно косили».

Дедушка запомнил и майора лет тридцати. Его арестовали, когда он из окружения с четырьмя бойцами

Победительницей, представляющей Коми, в этом году стала ухтинская одиннадцатиклассница Олеся Корсакова (школа № 15, научный руководитель Елена Долонина), занявшая третье место за работу «Влияние репрессий и реабилитации на судьбы моих земляков. Реабилитационный процесс на примере Ярегских ОЛПов».

«Молодежь Севера» (Республика Коми, г. Сыктывкар), 10.05.2007

вышел, шли по болотам. Капитан отдал его под трибунал, и тот ночь под караулом просидел, а наутро вышел и ахнули все, потому что майор поседел сильно. Его расстреляли, а солдат направили в штрафбат. А капитана того в следующем же бою убило. Дедушка сказал: «Тогда я подумал, что это его все-таки бог покарал, ведь все до последнего солдата понимали: не за что было майора расстреливать».

Ведь и на этой ужасной войне люди могли делать каждый свой выбор: и земляк деда, и майор, и капитан. «Война — это, — как бабушка говорит, — после голода самое страшное испытание». Она и вправду, судя по рассказам деда, обнажает в человеке или самое прекрасное, или самое низкое и гадкое.

После фронта дедушка вернулся в Тюльму. До 1960 год там все оставалось по-прежнему: дорога до деревни была только тележная, изоляция еще во многом давала себя знать. Связь была через радио. Электричество провели лишь в середине 70-х годов, до этого свет вырабатывал местный движок — на несколько вечерних часов.

Уезжать, возвращаться на Большую Землю стали с 1965 года. Дедушке тогда предложили место сек-

ретаря райкома. Дед отказался, и сегодня, объясняя нам, внукам, говорит: «Не мог же я бросить здесь наших парализованных родителей, им нужен был уход». «Ну, а разве секретарем ты не смог бы ухаживать за ними?», — спрашивал я. «Мог бы, но, знаешь...»

Просто дед не был человеком системы, которая тогда складывалась. Он понимал, что там, «наверху», вероятно, пришлось бы ломать себя, идти на компромиссы с совестью, а он этого не хотел. Дедушка мой, конечно, не Мандельштам, не Вавилов, но он и не «серая масса». Такие как он, помогали (мне так думается) «очеловечивать» жизнь рядом живущих людей... Дедушка не был начальником, управленцем, но он всю жизнь проработал в школе, стал директором, депутатом сельского Совета и жил всегда честно. До сих пор к нему идут, идут и идут за советом, за помощью или просто «поговорить».

Я хотел показать, что человек — это главная фигура в истории, которая в ее «серый цвет» добавляет по капле свои краски. И во многом итоги столетия зависят от того, сколько было таких «капель», людей, способных сохранить свое человеческое «я».

*Не удивительным был успех
лихославльца Александра Зверева.
Он участвовал в конкурсе уже пятый
раз и второй год подряд становится
победителем. Его работа «Влияние
чеченской войны на судьбы
лихославльских милиционеров»
отмечена 3-м местом и, кроме того,
отмечена специальным призом
«За честность и мужество».*

«Тверская жизнь», 26.05.2007

«Чтобы не повторилось»

Мои корни здесь, на высоком берегу, где в Выгегду впадает Вымь, в селе Усть-Вымь Республики Коми, которому исполнилось 622 года.

Каждый, кто приезжает в Усть-Вымь, обязательно обратит внимание на две стоящие на холмах белоснежные церкви. Эти церкви — остаток великолепного церковного ансамбля. Они самые древние памятники архитектуры в Коми крае.

Основной комплекс Усть-Вымских церквей сложился к XVII веку. Центральным храмом села по традиции считался Благовещенский, так как он был возведен в селе первым. Возле Михайловской церкви была построена Вознесенская церковь. После того, как православная церковь в 1519 (а вернее всего, в 1549 году) причислила Стефана Пермского к лику святых, началось строительство Стефановской церкви.

Село служило местом паломничества. Паломников из самых отдаленных мест Коми земли привлекала, прежде всего, находящаяся в Благовещенском храме усыпальница великопермских святых Герасима, Питирима и Ионы.

Первой каменной церковью в землях коми стала построенная в 1711 году Вознесенская церковь.

Почти 200 лет простояли каменные церкви села Усть-Вымь, но с середины 30-х годов 20-ого века власти объявили жестокою войну религии.

С 1930 года создается уездное, а затем районное отделение Всесоюзно-

го общества воинствующих безбожников. Разворачивается активная агитация за закрытие, а потом и за разборку всех церквей села Усть-Вымь. Были сброшены колокола с колоколен, сняты кресты с куполов.

А в 1935 году взрывают колокольню, за ней — Благовещенский храм и Вознесенскую церковь. Было решено разобрать и Стефановскую церковь, но власти решили разместить в храме пожарное депо и конный пожарный обоз. Были разобраны трапезная, входная галерея, верхний ярус колокольни, но сама Стефановская церковь уцелела. Сохранилась до наших дней и каменная церковь Архангела Михаила.

Архангело-Михайловская церковь уцелела благодаря тому, что в ней сначала была столовая для администрации Устьвымылага, а с 1957 по 1976 год — клуб с киноустановкой.

С болью вспоминает Ксения Ивановна Подорова, 1914 года рождения, о том, как в один из летних дней 1935 года телегами свезли на заливной луг церковные книги и все сожгли. Иконы были сложены в подвале одного из домов села, утварь сдали в цветмет, серебряные изделия из церквей в ГОХРАН. Одежда священников в 30–40 годы использовалась для шитья тюбеек и всяких мелочей (игольниц, прихваток, сувениров и так далее) на продажу. Люди не посмели уберечь от огня эти ценности, так как за хранение дома любых религиозных книг и

Надежда Мацакова
Республика Коми, с. Усть-Вымь
Третья премия, 2003 г.

предметов культа могли сурово наказать. До сих пор старожилы села с опаской, шепотом рассказывают об этих событиях. Вероятно, именно в этом огне сгорела уникальная летопись по истории коми народа. Остальные иконы и церковная утварь использовались на растопку печей.

Трагичной была и судьба и местных священнослужителей.

В первом томе «Мартиролога» на станции 921 я прочитала следующее: *«Малиновский Павел Васильевич, 1874 года рождения, русский, место рождения Шелота Вельского уезда Вологодской губернии. Место проживания — село Усть-*

Вьмь, Коми АССР, священнослужитель. Арестован 6 августа 1937 года. Осужден тройкой при УНКВД Коми АССР по статье 58–10 УК РСФСР к высшей мере наказания».

Еду в Сыктывкар в Национальный архив Республики Коми, затем в Национальную библиотеку (бывшую Ленинскую), листаю пожелтевшие от времени листы. «Малиновский Павел Васильевич, протоиерей. В 1894 году окончил Вологодскую Духовную семинарию со званием студента. 13 декабря 1894 года назначен на должность надзирателя Усть-Сысольского Духовного училища, в каковой состоял до 31 декабря 1897 года. Епископом Вологодским и Тотемским Алексием 14 ноября 1897 года определен на должность священника Усть-Вьмской Благовещенской церкви. 28 января 1898 года епископом Великоустюжским Гавриилом рукоположен в священники. Состоял настоятелем Усть-Вьмской Благовещенской церкви до ее закрытия в 1933 году.

С 1898 года состоял заведующим и законоучителем Усть-Вьмской мужской двухклассной церковно-приходской школы. В 1909–1910 годах был законоучителем Вогваздинского земского училища, в 1909–1914 годах — заведующим Усть-Вьмской женской церковно-приходской школы.

В 1902–1905 годах состоял в должности депутата по делам следственным и хозяйственным по 2-ому округу Яренского уезда. За усердную и полезную службу 29 марта 1905 года награжден набедренником, 14 апреля 1910 года — скуфьей. Определением Святого Синода от 25 марта 1917 года награжден камилав-

кою. Награжден серебряной медалью в память 25-летия церковных школ.

После 1918 года проживал в Усть-Вьми. После закрытия Благовещенской церкви служил в Ибской Свято-Казанской церкви того же прихода. После закрытия в июне 1935 года Ибской Свято-Казанской церкви «занимался крестьянским хозяйством».

Решаюсь снова поехать в Сыктывкар в архив Управления ФСБ РФ по Республике Коми, чтобы увидеть страшный документ — дело № 6058.

И вот я в Сыктывкаре. Передо мной строгое серое здание, где хранятся тайные документы, к которым не было допуска столько лет. С ходатайством от школы и паспортом с замиранием сердца вхожу в управление ФСБ, но дальше проходной меня не пустили. Начальник УФСБ никак не мог понять, зачем сельской школьнице понадобилось изучать секретные архивные дела. Мне, естественно, отказали, но все-таки пообещали на коллегии разобрать мое письменное заявление и по почте отправить решение. Ни с чем возвратилась домой. На следующий же день отправляю письменный запрос, не надеясь на чудо.

Однако оно произошло: через 2 недели я получила приглашение для работы в архиве. С волнением беру в руки дело № 6058.

Обычная тоненькая, немножко потрепанная папка со строгой пометкой в правом углу «Совершенно секретно». Всего 27 листов, но эти листы — свидетели того короткого времени с 6 по 23 августа, которое

провел о. Павел (Малиновский) в тюремном аду. На этих листах — жизнь священника длиною в 17 дней.

Санкция на арест, ордер № 66 на обыск, протокол обыска, постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения, анкета обвиняемого, протоколы допросов, обвинительное заключение и выписка из протокола с постановлением: «растрелять». Дело сдать в архив.

Возникает масса вопросов...

Третий лист — ордер № 66 на арест и обыск. Интересно, почему

в качестве понятого присутствует житель деревни Арабач, что находится в 40 километрах от села Усть-Вымь? Старожилы села мне объяснили, что устьвымчане очень уважали священника и не хотели брать грех на душу. В маленьких населенных пунктах люди знают друг друга, и все село отвернулось бы от человека за такой поступок.

Читаю протоколы допросов. Пытаюсь понять, какую контрреволюционную агитацию вел священник. Оказывается, он обвинялся в том,

что «систематически вел контрреволюционную деятельность за открытие церкви в деревне Казанский Иб», не хотел сдавать церковные ценности. Особую роль сыграл сбор подписей прихожан, просивших о. Павла (Малиновского) начать службу в Ибской Свято-Казанской церкви. Вот за это и стал он «врагом народа».

Читаю выписку из протокола заседания Тройки УНКВД Коми АССР. Малиновский Павел Васильевич привлекался по статье 58–10 УК РСФСР. Еще раз и еще раз изучаю дело № 6058. Неужели этого достаточно для такого страшного приговора, как расстрел?

Вновь отправляюсь к старожилам села.

Из бесед с ними я узнала, что батюшка был порядочным, добрым человеком, готовым прийти на помощь нуждающимся. Он был женат на Афанасии — дочери священника, служившего в Благовещенской церкви. Из года в год семья увеличивалась. У Малиновских было 13 детей. Сдержанный, спокойный, в меру строгий, своих детей он учил быть честными, добрыми, справедливыми. После рождения 13-го ребенка его жена, матушка Афанасия, умерла. Все легло на плечи о. Павла. Но усть-вымчане старались поддержать его, помочь в трудную минуту. Сильный духом, о. Павел не опускал руки, а все силы отдавал воспитанию детей и служению своей вере.

Но после революции его жизнь резко изменилась. Из документов Национального архива узнаю следую-

щее: «В 1918 году обложен контрибуцией в 500 рублей. В 1921 году “привлекался за то, что не сдавал церковные ценности”. В 1936 году привлекался к ответственности по статье 192 УК РСФСР, но был оправдан по суду».

В 30-е годы служители культа были приравнены к кулакам. Их, как единоличников, облагали непосильными налогами. По архивным документам видно, что Павла Васильевича Малиновского неоднократно штрафовали за не сдачу продналога. Как же мог бы сдать больной шестидесятилетний священник, отец 13 детей, 250 килограммов мяса?

Передо мной справка, выданная врачом в октябре 1934 года: «П. В. Малиновский — инвалид 2-й группы. Может выполнять легкие физические работы. Диагноз: порок сердца, обший артериальный склероз, грыжа».

О. Павел хотел одного: чтобы не закрывали церкви против воли народа, чтобы не облагали крестьян непосильными налогами. Его больше всего заботило, как сохранить усть-вымские церкви и церковные ценности от разрушения и уничтожения. О. Павел не стеснялся говорить о лодырях и лентяях, которые при Советской власти стали руководителями и колхозными активистами. Он открыто заявлял, что коллективизация — губительный шаг. О. Павел знал, что по всей стране начались аресты священников, но не бросил своего дела. После закрытия Благовещенской церкви он продолжал служить в Свято-Казанской церкви в деревне Казанский Иб.

Перечислю лишь некоторые из отмеченных в Москве работ юных магнитогорских исследователей: «Детство, опаленное войной», «Трудармия Урала», «Пленные немцы в глубинке». Радует, что ребята пробуют себя в трудных, малоисследованных темах, таких как «Репрессии», «Спецпереселенцы», «Военнопленные», «Казачество». «Челябинский рабочий», 20.11.07

Иду в деревню Казанский Иб, которая находится в 7 километрах от села Усть-Вымь. Уныло смотрят на мир Божий покосившиеся крестьянские дома. Создается такое впечатление, что в этой заброшенной деревеньке, где негде купить даже хлеб, куда не ходят автобусы, остановилось время: одинокие бабушки и дедушки, как в дореволюционное время, в больших стоптанных валенках и телогрейках возятся около колодца, готовят дрова на зиму. Какое-то чувство вины перед этими людьми до сих пор осталось в моем сердце. Из беседы со старожилками деревни я узнаю, что о. Павел служил в Ибской Свято-Казанской церкви 2 года, а затем власти решили закрыть и ее. Переживала вся деревня, но с властями бороться было бесполезно. За обнаружение иконы или крестика виновных наказывали. За каждое неосторожно сказанное слово ожидала тюрьма. И все-таки люди тайно шли к священнику, и он никому не отказывал. Приходилось таинства совершать ночью. В какой-то мере это послужило основанием для ареста.

Алексей Ардальонович Кызьюров, старожил деревни, с грустью рассказывает о том, что старая деревянная церковь сгорела в 2000 году. Остался только фундамент, сложенный из огромных камней.

Обвинительное заключение по делу священника Павла Малиновского: *«Следствием установлено, что Малиновский Павел Васильевич, бывший протоиерей, ярый тихоновец, систематически вел контрреволюционную деятельность*

за открытие церкви в деревне Казанский Иб, писал единолично заявления об этом. В 1933 году в селе Оквад вел агитацию о развале колхозов. В 1927 году в году в церкви села Усть-Вымь вел агитацию, в проповедях призывал верующих не слушать коммунистов, бороться против них, говоря, что скоро власть переменится. Хранил у себя документы контрреволюционного характера о голоде в стране. Имел связь с активным сектантом Подоровым Тихоном и священником Потемкинским, вели разговоры о выборах попов в Советы. Обвиняемый виновным себя признал частично...»

Как же о. Павел, зная, что невинен, мог согласиться с протоколами допросов? Как он мог признать вину?

Следователи НКВД выбивали признание из любого арестованного. Нетрудно догадаться, каким образом признал вину, приписанную во время следствия, отец Павел, 63-летний инвалид.

25 августа 1937 года под Сыктывкарком в местечке Нижний Чов было расстреляно 8 священников. Среди них и Павел Малиновский.

*Прошедшим горе и унижения.
Погребенным в безвестных могилах.
Оставшимся в нашей памяти,
Чтобы не повторилось.*

Это слова, высеченные на памятном знаке, установленном в деревне Вогваздино Усть-Вымского района на месте бывшего «Усть-Вымлага» в знак скорби по безвинно осужденным жертвам ГУЛАГа.

Очень эмоциональная работа «Солдатами не рождаются» старшеклассницы Ирины Галкиной. Школьница не просто рассмотрела судьбу рядового Сергея Савельева, погибшего в Чечне, но и подняла важный вопрос современного общества: что для нас значит армия? В ее труде отразились мнения более 40 человек.

«Великолукская правда», 22.05.2007

Мы находимся в зале ожидания смерти (Матвеев Курган в 1941–1943 гг.)

Очень мало осталось свидетелей тех страшных лет, которым в годы войны было больше 18-ти лет. Мы познакомились ближе со стариками, мимо которых проходили раньше, не всегда здороваясь. Мы изучили семейные архивы и расспросили родных, соседей. Работали мы также и в районном архиве. История посёлка стала и нашей историей.

Самым трудным оказалось найти свидетелей. Мы столкнулись с тем, что не все очевидцы событий хотят поделиться с нами своими воспоминаниями. Некоторые говорят, что мы и не должны знать всю правду о войне, другие боятся последствий своей откровенности, есть и те, кто просто очень болен и им не до воспоминаний. Однако многие нас просто ждали. Вернее, ждали тех, кого заинтересует настоящая правда о войне, с кем они могут поделиться. Мы слышали от них: «Почему же вы не пришли раньше?», «Теперь и умереть можно спокойно, я рассказал то, что не давало мне покоя долгие годы», многие из них не скрывали своего волнения и слёз. Говорили о том, что мы первые, с кем они беседуют на эту тему.

Мы записали воспоминания 37 человек, живших в Матвеев Кургане и в районе в военные годы.

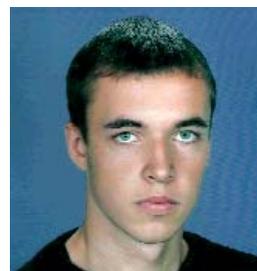
Начало войны. События до прихода немцев 17 октября 1941 года

Матвеев Курган перед войной стал красивым районным центром. Здесь были две школы — средняя и семилетка, кинотеатр, большой элеватор, молокозавод, железнодорожная станция. Некоторые улицы были вымощены каменной брусчаткой. Перед зданием райкома стоял памятник Ленину, в парке была стела погибшим за революцию в гражданской войне и памятник Сталину. Среди парка был разбит розарий.

Война быстро становилась суровой реальностью. Из Матвеева Кургана в 1941 году было мобилизовано 311 человек. Война приближалась, новую среднюю школу оборудовали под госпиталь. Люди ехали на повозках, шли пешком в эвакуацию.

Дети не пошли учиться, их организовали на работы в помощь фронту. Младшие школьники собирали урожай, а старших отправили рыть окопы.

В конце августа фашисты стали бомбить посёлок и станцию. Сначала люди не знали, как себя вести при бомбёжках. Евдокия Аврамовна Гребеняк 1935 года рождения, рассказала, что «при первых бомбёжках ещё не знали, что делать, почти всегда они бы-

**Максим Столбовский,
Василий Хруцкий**
Ростовская обл., с. Матвеев Курган,
10 класс
Первая премия, 2005 г.

ли неожиданны. Бомба упала во дворе, а мама в комнате купала сестричку Валю, ей было 3 года. Выпали стекла в окнах, одно большое упало так, что думали — оно зарежет Валю в корыте. Слава Богу, она осталась жива, только немного поцарапана». Люди искали укрытия в подвалах, рыли щели в садах. Самым надёжным укрытием во всём посёлке оказалась «труба» — переход под железной дорогой на окраине посёлка.

Мария Васильевна Волощукова вспоминает: «При налётах мама кричала: “Быстро в трубу!” и мы бежали туда. В трубе я оказалась чуть ли не снаружи, там уже много набилось людей со

станции, гражданских и военных. Как-то вползла внутрь. Какой-то военный крикнул: “Садись!”, чтобы не убила взрывная волна. Сидим в тишине, а потом рокот мотора, свист... Ждём, в нас попадёт, мимо... Кто-то в тишине перед разрывом сказал: “Мы находимся в зале ожидания смерти!”»

После беседы с Марией Васильевной мы пошли в трубу. Мы часто пользовались этим переходом, когда ходили в гости к одноклассникам, живущим за железной дорогой. Теперь мы другими глазами посмотрели на мир из этой трубы. Как страшно жить, нет, не жить, существовать,

поминутно ожидая смерти. Этот «зал ожидания смерти» оставил в душе глубокое впечатление. Так нашим землякам пришлось жить не один месяц, а вплоть до октября 1943 года, когда фронт ушёл на запад и больше в посёлок не вернулся.

Очевидцы рассказывают, что в 1941–1942 годах почти не видели наших самолётов. А вот немцы летали большими группами, несколько десятков самолётов, черные, страшные — среди дня. Летели низко, почти не опасаясь наших зениток. Чтобы усилить ужас, сбрасывали бочку с дырочками, она страшно завывала, пугая тех, кто прятался от разрывов. Причём свидетели не могут сказать, наши лётчики или немецкие придумали сбрасывать такие бочки. Людям оставалось только молиться: «Слава Богу, день пережили!» — говорили, когда бомбили немцы, а здесь стоял фронт. «Слава Богу, ночь прошла и мы целы!» — говорили, вылезая из канавы за посёлком в 1942–43, когда бомбили наши. Гибли люди под бомбами. Привыкнуть к этому было нельзя.

Очень скоро жители Кургана заметили, что остались без власти. Все конторы опустели, начальники куда-то делись. Магазины стояли закрытые, нельзя было купить хлеба. На станции Матвеев Курган полыхал огонь.

Наступило безвластие, которое продолжалось около недели. Нет ни милиции, ни райкома, никого, кто накажет. Дома начальников тоже опустели.

Люди пошли брать в колхозе все, что осталось: сеялки, сани, лошадей, коров. Брали всё в магазинах и аптеках, запасаясь на будущее. Уже знали, что ничего хорошего от немцев ждать нельзя, от своих властей тоже ничего особенно хорошего не ждали. У простых людей было ощущение брошенности, ненужности.

Первая оккупация. 17 октября — 4 декабря 1941 года

Почти все вспоминают, как они в первый раз увидели немцев, даже те свидетели, которым было мало лет. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «Впервые увидела немцев 17 октября 1941 года. Мы с сестрой Марией пошли за сеном и увидели немцев с автомаатами. Я очень испугалась. Ведь по радио говорили, что они сразу всех убивают и девочек насилюют. Я побежала домой и спряталась на чердак. Мама закричала: “Ты что это выдумала, слезай!” А во дворе уже немцы — офицеры, холёные, чистые, не то, что наши солдаты, те шли усталые и в пыли». Иван Григорьевич Столбовский, 1932 года рождения, вспоминает: «Немцы приехали на чёрных тяжёлых ТИЗовских мотоциклах со стороны Колесниково, которые выпускались в Таганроге и отправлялись в Германию. Брат Степан, который работал на том заводе, мечтал о таком. Вообще наши были без техники, а у немцев все сидели за рулём, даже пехота. Мы до войны много чего им отправляли — продовольствие, эти же мотоциклы».

Все очевидцы вспоминают, как по домам ходили немцы, брали, что хо-

Конкурсная работа Надежды Лисицкиной построена на анализе двух дневников Анны Ждановой. На наш вопрос, почему она выбрала именно эту тему, Надежда ответила: «Мне интересна позиция молоденькой девушки, которая стояла перед непростым жизненным выбором. Эта тема для меня очень близка, так как героиня моя ровесница. В своей работе я пыталась сравнить нынешнюю молодежь с молодежью того времени». Надежда считает, что конкурс важен прежде всего для поддержания преемственности поколений и для того, чтобы не повторились ошибки прошлого в настоящем и будущем.

«Горожанин. Тверь», 05.06.2008

тели в домах жителей. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Немцы вели себя нагло, входили в дом с автоматами наперевес: “Партизан, коммунист?” Заходят в каждую комнату, озираются по сторонам, копаются в сундуках, ищут хорошие вещи, если кто-то один что-то найдёт, то молча быстро загребают в мешок и уносят на машину или в мотоцикл».

Появилась комендатура с фашистским флагом над нею. Вспоминает Елена Николаевна Белошенко, 1928 года рождения: «Мы жили рядом со зданием, в котором была комендатура. У нас в семье было трое девочек и мама, так мы боялись лишний раз выходить на улицу. Мама нас сажет намажет, в рваньё оденет, прячет от немцев. Они красивых девочек первых в Германию отправляли, или ещё куда — мы не знали, но знакомую так угнали ещё в первую оккупацию». Е. Н. Белошенко рассказала, что у немцев работала команда наших военнопленных, они копали какие-то траншеи, их били, они были полураздетые и голодные. Жителям подходить к пленным запрещали.

Жить в Матвеевом Кургане всё же было легче, чем в селе Троицком, что под Таганрогом. Там стояли не фронтвики, а эсэсовцы, которые расстреливали коммунистов и евреев.

О том, что и в Матвеевом Кургане захватчики искали евреев, мы нашли сведения в записках Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Подходит немец к русскому человеку вплотную, начинает щупать голову, проверять строение черепа — не еврей ли он или не цыган ли? Это было со мной у вок-

зала, и там же проверяли так и других людей». Свою деятельность разворачивала комендатура, устанавливая «новый порядок». В подвалах комендатуры сидели люди, ожидавшие своей участи.

Неизбежно во время оккупации с отдельными представителями вражеской армии возникали какие-то личные отношения.

Многие свидетели вспоминают, что некоторые немцы давали им хлеб, показывали рукой на метр от пола и говорили: «Дома киндер», показывали фотографии семьи. Иван Григорьевич Столбовский, 1932 года рождения, вспоминает: «Наш дом стоял на окраине. Немцы оборудовали рядом зенитную батарею, в доме жил её офицер. Он хорошо говорил по-русски, украдкой давал нам суп из гороха без картошки, который ели сами офицеры, консервы, раз даже угостил шоколадкой. Часто беседовал с отцом и, когда не слышали другие офицеры, сказал: “Нашего Гитлера и вашего Сталина надо столкнуть лбами и заставить драться вместо нас, простых людей. Пусть убивают друг друга до смерти”». Вспоминает Николай Иванович Жерноклёв, 1938 года рождения: «Мы с братом были двойняшки, только он темнее, а я светлее. Немцы относились к нам хорошо, удивлялись, что мы так похожи. Один немец очень подружился с нами, подарил нам по чайной ложечке, мне под золото, а Володе под серебро, часто угощал хлебом. Он потом специально заезжал к нам раненый, без ноги, когда возвращался в Германию из-под Сталинграда. Он говорил, что кровь там течёт рекой, прямо по земле».

Ребята писали о репрессиях и коллективизации, о великой войне и мало известных вооруженных конфликтах; рассказывали истории своих городов, знаменитых и малоизвестных монастырях. Школьница из Санкт-Петербурга создала целый трактат о состоянии тюрем в начале века. Мальчик из Пермской области написал со слов бабушки историю раскулачивания крестьянской семьи в 1930 году. А группа тульских подростков, покопавшись в семейных архивах и распросив старших, рассказала, как жили солдаты на войне...

«Вечерняя Москва», 07.05.2001

Вскоре жители разобрались, что среди оккупантов не все немцы по национальности — есть австрийцы, венгры, хорваты. Многие сносно говорили по-русски и относились к населению мягче, чем немцы.

Нашлись жители, которые захотели стать полициярами, служить немцам. Из записок Галины Васильевны Захарченко: «С помощью прихвостней полицейских стали выгонять людей на принудработы: тушить пожар на элеваторе, восстанавливать железную дорогу, мосты. Людей сажали на открытую платформу и в сопровождении автоматчиков с собаками возили в Закадычное на восстановительные работы. Стала работать пекарня, выпекали хлеб из зерна, которое немцы смогли спасти от пожара на элеваторе. Этот хлеб имел запах гари и привкус горечи»¹.

Все полицаи преследовали свои интересы, стремились насладиться властью, побольше положить в карман.

Тогда же на территории района стал действовать партизанский отряд. Мы узнали, куда исчезли руководители района за неделю до оккупации. Их вызвали в обком партии, объявили, что они мобилизованы в партизаны. Всего их было в отряде около 30 человек. Во главе стояли руководители района и районных предприятий.

Вспоминает Екатерина Григорьевна Добрица, 1922 года рождения: «Я в первую оккупацию жила у родителей мужа на хуторе Добрицы. Тесть сделал на доме двойной фронтон, то есть на чердаке была потайная комната, которую ни-

как было не видно — ни с улицы, ни с чердака. Там сделали нары, и там прятались пять человек — партизаны. У нас полный двор немцев, а на чердаке партизаны. Очень страшно было. Мы им стирали, кормили их. Пятеро мужиков, не шутка! Большой был риск, а у нас дети малые. Еды не хватало, мы даже побирались одно время. Скрывали их месяца четыре».

Нас заинтересовало, что почти все свидетели не говорят о действиях партизан как о нужном деле. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Партизаны пускали ночью ракеты из-под железнодорожного моста. Наши самолёты весь посёлок бомбят ночью. Немцев было в селе очень мало. Но наступает ночь, люди села берут коров за верёвку, кое-какие вещи и идут в поле ночевать. Ибо прилетят самолёты, по-

¹ Районный архив, Оккупация района, дело №20.

бросают свечи-ракеты на парашютиках, станет светло, летчикам всё видно. Тогда они, сбросив сотни бомб, улетают. Немцев нет, зениток нет, одни жители и те в поле. Утром возвращаемся — дом разбит, кругом кучи земли и обломки. Сидим у соседей в подвале. ... 2 месяца попусту бомбили наше село».

Другие очевидцы также рассказали подобное, таких свидетельств много. Вроде бы идёт война с врагом, партизаны — часть этой войны, работают на уничтожение фашистов, но жертв больше среди мирного населения. Мы решили, что дело в масштабах их действий, и возможно, если бы жители видели, что партизаны действительно причиняют большой вред врагу, отношение к ним у людей было бы иное. В самом же посёлке страдали именно мирные жители.

Началось наступление под Москвой. 29 ноября 1941 года советские войска освободили Ростов. Перед отступлением фашисты стали жечь дома жителей Матвеева Кургана. Надежда Петровна Саломашенко вспоминает: «Команда здоровых, черных, в саже немцев подходит с факелами и с канистрами с бензином к дому. Почти все крыши из камыша. Подносят факел к крыше и стоят несколько минут, ждут, когда загорится как следует. Потом переходят к другому дому. Жгли дома 3 дня. К нам пришли от кладбища. Мы, пока к нам добрались, все вещи убрали в бочки в саду. Я выглянула из-за бочки — немец дал очередь. Они подошли к соседнему дому, там была полная бабушка, она стала просить, чтобы их не палили, так немец её

сильно толкнул, она упала. Но их дом не сгорел. У них был сын-полицай и дед, так они успели разобрать часть крыши, сгорел только фронтон. У нас остался цел потолок, была какая-то крыша. Мы жили так до 5 декабря, до эвакуации». Матвеев Курган горел, как свечка. Всё застлало дымом. Визжали собаки, плакали дети. От многих домов остались одни трубы. Видимо, в поджоге участвовали не только те солдаты, которые здесь были на постое, пригнали и другие части. И некоторые очевидцы говорят, что немцы, жившие здесь некоторое время, предупреждали их или как-то содействовали спасению жилья. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «Один офицер, который жил в нашем доме, позвал меня в сарай, где у нас хранилось сено, и жестами показал — я буду жечь (как будто чиркает спичкой о коробок), а ты туши (топал ногами, как будто сбивал пламя). Потом соседи, чьи дома сгорели, некоторое время жили у нас».

Перед уходом фашисты задумали угнать с собой некоторую часть жителей. «В конце ноября 1941 года немцы заставили взять вещи и уйти из дома с ними на запад, — вспоминает Иван Григорьевич Столбовский. — Наша семья дошла до улицы Пугачёвой, скрылась из виду немцев, стала уходить в сторону. По темноте пробрались в сарай тёти Даши Соседкиной. Там уже был полный подвал людей, у которых спалили дома. Однажды ночью туда пришли наши солдаты, ребята-разведчики. Все очень обрадовались, а Надежда Ивановна их знала и раньше, и стала им рассказывать и показывала на их карте, где у немцев

что находится». О том, что немцы, отступая, заставляли жителей уходить с ними, вспоминали и другие свидетели. Не всем удалось избежать этого. Так, пропала семья Корсуновых, соседей Столбовских, которую немцы в числе прочих угнали в 1941 году. Их судьба неизвестна.

Матвеев Курган на линии Миус-фронта 4 декабря 1941 года — 22 июля 1942 года

10 декабря 1941 года фронт прошёл по реке Миус, по западной окраине посёлка Матвеев Курган. Фактически сам посёлок лежал на нейтральной полосе, находился в зоне перекрёстного обстрела своей и вражеской артиллерии.

Здесь продолжали жить люди, в том числе дети и женщины. Их принято называть мирным населением, но до мира было очень далеко, и они на своих плечах несли все тяготы жизни на фронте, не получая за это никаких наград, подвергаясь, так же как солдаты, смертельной опасности. Многие, рассказывая, удивляются: как живы-то остались! Мы, слушая их, тоже этому поражаемся.

В памяти навсегда остались те, кто ценой своей жизни спасал их. Раиса Степановна Горбаткова, 1929 года рождения, вспоминает: «У нас в огороде была большая воронка от бомбы. И вот налетели фашистские самолёты, и мы с братом побежали с ними в воронку. И тут бомбы начали на нас сыпаться. И солдаты, фамилия одного была Деревянко, прикрывли нас с братом собою. Одного убили сразу,

а Деревянко ранили в позвоночник. Он страшно мучился. Мы отнесли его в перевязочный пункт на улице Кооперативной, он жил ещё дня два, а потом умер».

Немцы вели огонь с Волковой горы, стреляли тяжелые пушки. Даже выйти за водой к колодцу или за топливом из подвала здесь было опасно. Питались всухомятку. На первой линии обороны у реки было легче, там меньше били немцы из тяжёлой артиллерии, опасаясь попасть по своим позициям. Весь посёлок у немцев был разбит по квадратам. Если видели с горы шевеление, солдат пройдёт или даже собака пробежит — снаряды летели туда.

Вспоминает Иван Григорьевич Столбовский: «Ранней весной 1942 года в нашем доме и в доме Климентьевых был полевой госпиталь. Мы в погребке жили. Здесь была вторая линия обороны, окопы шли извилисто, в степи, где сейчас дом Скороходов, был блиндаж. Сюда приносили и привозили на повозках раненых с передовой линии и со всего посёлка. В нашем доме жили и работали врач и три медсестры. В нём было всего две комнаты и кухня, так что в самом доме размещали только тяжелораненых и офицеров. А солдат раненых размещали в окопы, где они ждали, когда их отсюда куда-нибудь отправят. Часто умирали, потому что их было очень много, а медсестрички с ног валились, не успевали всех посмотреть и оказать помощь. Они же и мёртвых хоронили, привлекая солдат и жителей.. Хоронили здесь же, в окопах, и дальше по степи, используя одиночные окопы. До кладбища под бомбёжками было не добраться. Так что здесь под домами

Новое поколение в России хочет само разобраться, в какой стране оно родилось. Впечатляющим доказательством этого являются работы российских школьников, присланные на Всероссийский конкурс по истории по теме «Человек в истории. Россия — XX век». Из этих работ можно узнать очень многое о советском времени с точки зрения отдельного человека. Школьница, рассказавшая о судьбах разных жильцов одного дома, делает в своей работе вывод: «Первую половину 20 века мы потратили на то, чтобы стереть всякую память о жизни до революции, а последние годы 20 столетия посвятили восстановлению этой истории». Хотелось бы, чтобы это новое поколение поскорее взяло ответственность за Россию на себя.

«Frankfurter Rundschau», 14.03.2005

и по огородам на нашей улице много мёртвых лежит, никто их не перезахоранивал, так здесь и остались».

Мы впервые тогда услышали о безымянных могилах под ногами и в дальнейшем стали специально спрашивать о них. Нам открылись страшные вещи. Весь наш посёлок, такой чистый, красивый и родной, стоит на костях. На могилах без крестов, без звезд и без памятных плит. На могилах, о которых все забыли, на могилах не только советских солдат, но и мирных жителей, и немцев, и румын, и казаков-предателей, одним словом, на могилах людей. Перезахоронений было относительно немного, только когда что-нибудь строили и вдруг натыкались на кости. Особенно нас потряс факт, рассказанный Еленой Николаевной Белошенок. Мы встретились с ней случайно, когда шли домой из районной библиотеки. Она, показывая на асфальт под ногами, сказала, что во время бомбёжки зимой 1942 года здесь на её глазах погиб неизвестный солдат. Люди, которые находились рядом, его не знали, медальона у него не было. Его похоронили здесь же, в воронке, просто присыпали камнями и комьями мерзлой земли. С тех пор он тут так и лежит, под центральной улицей посёлка. Как-то неудобно стало ходить по улице, зная, что где-то рядом под ногами могила. А ещё мы подумали, что где-то у него остались родные, которые никогда не узнают, где покоится близкий им человек. Так вот она какая, настоящая могила неизвестного солдата!

Но дети оставались детьми, им хотелось играть с подружками и друзьями, хотелось бегать по улице. Иван Григорьевич Столбовский вспомнил, как убило Ивана Соседкина, на 2 года старше его. Дети играли на улице, перебежали из подвала в подвал через дорогу. Снаряд разорвался рядом с мальчиком. Ему пробило грудь насквозь. Его похоронили в их саду, на кладбище под обстрелом было не попасть. Сейчас это огород других людей. Это тоже — забытые могилы жертв войны.

Нам рассказывали, что таких могил было много.

Сельсовет мобилизовал жителей, в том числе подростков, на захоронения погибших. Николай Платонович Моисеенко, 1929 года рождения рассказал нам, что на месте, где сейчас находится Мемориал, была большая воронка от авиабомбы. В ней хоронили убитых, в том числе и погибших моряков, и мирных жителей, и погибших солдат других частей. Мертвые тела кидали туда, и никто не считал, сколько их там, просто обрушивали края воронки, присыпали кое-как, и новых хоронили сверху, и опять присыпали. Для нас это стало открытием. В районном отделе культуры мы нашли «Информационный паспорт №1 объекта историко-культурного наследия». Наименование памятника: Мемориал «Погибшим воинам». В документе сказано, что «в братской могиле похоронено офицеров 45 человек, солдат, сержантов и старшин 400 человек. Автор (скульптор) Валентин Иванович Перфилов. Дата создания 1968 год». Но мы склонны верить

Нечасто работы школьников появляются в печати центральной и вполне «взрослой» (то есть не сугубо локальной, для учителей, учеников и их родителей). И тем более нечасто они становятся настоящим событием. Хорошая мысль: стараниями старшеклассников собираются анналы «устной истории», до которых у профессиональных историков руки бы не дошли. Значительная часть работ написана по рассказам — бабушек, соседей, знакомых... Современные старшеклассники, первая генерация, не видевшая эпохи строительства коммунизма, пишут обо всем этом с человеческим сочувствием и недоумением: кому понадобилось творить этот страшный абсурд?

«Отечественные записки», № 1, 2002

людям, подтверждающим слова Николая Платоновича Моисеенко о том, что никто не считал мёртвых в этой могиле. Мы имеем свидетельства, что там хоронили умерших и жители окрестных улиц во время сильных бомбёжек, и позже, когда обессиленным от голода жителям трудно было добраться до кладбища и копать там могилу, но никаких документов мы не обнаружили.

Нам понятно, что в 1943, когда главной задачей было всё-таки как-то похоронить погибших и сделать землю в прямом смысле слова пригодной для обитания живых. Но сегодня, в пышности празднеств и фейерверков, мы опять забываем о мертвых. А между тем с высоких трибун слышим: пока не похоронен последний солдат, война продолжается. Можно ли считать, что солдат похоронен, если не известно вообще, сколько их там? Или же наспех зарытые окопы с мёртвыми тоже захоронения? Или забытые могилы в огородах или под домами, построенными после войны?

Вторая оккупация Матвеева Кургана 22 июля 1942 года — 17 февраля 1943 года

22 июля 1942 года в Матвеев Курган вновь вошли немецкие войска. Началась вторая оккупация посёлка. Вновь открылись комендатура, жан-дармерия, вновь появились полицейские из местных предателей. Снова полное бесправие, унижения от оккупантов, снова ощущение бес-

силия. Некоторые жители возвращались из эвакуации из мест, тоже занятых немцами. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «В мае 1942 года нас вывезли в Кизетеринку. Казаки там нас принимали плохо, не кормили, говорили:

— Сталин вас привёз, Сталин и увозит (имели в виду на кладбище, что мы поумираем все от голода).

И когда немцы стали наступать на Сталинград, жить там стало нельзя. Мы запрягли в маленькую тележку старую лошадь и корову (их никто не забрал, потому что они были старые и слабые), погрузили вещи и пошли навстречу немцам. Их колонны шли с танками, они ехали сверху, играли на губных гармошках, смеялись над нами и даже фотографировали, кричали:

— Сталин транспорт!

Мы шли пешком рядом, на тележку садились, только когда кто-то сильно устанет».

В августе 1942 года через Матвеев Курган проходили колонны наших военнопленных. Тяжело было видеть своих солдат в таком положении. Из воспоминаний Екатерины Ивановны Резниченко: «Услышали шум. Лаяли собаки, что-то кричали немцы, вообще был гул. Выскочили посмотреть. Возле пожарки по улице Таганрогской шла колонна пленных. Её гнали автоматчики с собаками. Её начало было здесь, а хвост вился у Ротовки, шли в ряду по 6–8 человек. Жители прибежали и начали кидать в колонну продукты. Началась суматоха, немцы стали стрелять в воздух и по пленным, а нас отгоняли пинками. Но всё равно колонна сбилась, началась

свалка. Несколько человек сумели убежать. Пленным удалось спуститься в подвал по улице Разина, где жили соседи. Но охрана пленных оттуда вытащила и расстреляла во дворе, а соседей, правда, не тронули. Солдат этих закопали в огородах под шелковицей. Их никто потом не перезахоранивал, так они там и лежат. А вечером мы у своей коровы в яслях обнаружили солдатика, спрятали его, накормили, переодели, и ночью он ушёл. Мама моя часто его вспоминала, удалось ли ему выжить?».

Мы обратили внимание, что жители считали за доброту иногда просто то, что немцы их не трогали или что просили о каких-то услугах, а не приказывали хозяевам тех домов, где размещались.

На восстановительные работы на железной дороге заставляли ходить и местных жителей. У людей просто не было выбора: или работать на оккупантов тут, или угонят в Германию. Этого боялись больше всего. Даже если повезёт и попадёшь к хозяину, а не в лагерь, то всё равно будешь на положении раба.

Вспоминает Мария Васильевна Волощукова: «Была учительница немецкого языка, немцы заставили её быть переводчицей. Потом, когда наши узнали, что она на немцев работала, её расстреляли. Это было сразу после освобождения». Иногда люди не могли отказать не столько немцам, как своим же односельчанам, когда их выбирали старостами. Вспоминает Иван Григорьевич Столбовский: «Немцы захватят село, соберут людей и заставят выбрать старосту. И вот выбрали Беликова

в Петровке. Беликова вызывают в комендатуру и заставляют отчитываться. Он, как только его избрали старостой, пораздавал колхозное добро людям, чтобы не досталось немцам. Когда его в комендатуру вызывали, он не знал, вернётся домой или нет, поэтому меня с собой брал, чтобы я рассказал родным, если его не выпустят. Каждый раз как в последний к немцам шёл. Когда наши пришли, он с котомкой пришёл к нам:

— Где тут штаб, я пришёл сдатьсь сам, потому что был старостой, чтобы меня не искали.

Его забрали, но что с ним стало, я не знаю».

О том, что происходило теперь на фронте, в стране жители не знали. Радиоприёмники конфисковали ещё в начале войны советские власти.

Было разрешено только слушать радио по трансляции, но в оккупации оно не работало. Новости, которые печатались в немецких листовках, считали лживыми. Поэтому ловили любые слухи о событиях на фронте, самые невероятные, лишь бы они отличались от немецких листовок.

В нашей школе немцы открыли госпиталь. Раненых из-под Сталинграда было очень много. Часть из них умирала. Немцы для всех делали гробы, просто так не хоронили. Умерших офицеров старших чинов отправляли в Германию. Целые эшелоны с гробами видели люди — оттуда с пустыми гробами, туда с мертвыми. Рядом со школой, по свидетельствам очевидцев, было 250–300 немецких могил. Их потом, когда пришли наши, выкопали и вывезли на скотомогильник. Несколько подвод было доверху груженных, и не один раз они вывозили трупы, ездили по посёлку туда и обратно. Гробы использовали на растопку. И вновь оказывается, что мы живём на могилах — пусть и врагов, но людей. И, кстати, жителям, пережившим весь ужас оккупации, вовсе не понравилось извлечение мёртвых из могил, все они говорили, что напрасно прах потревожили, мстить мертвым нехорошо.

Период оккупации лёг тяжёлым пятном на биографии старшего поколения. Правды о том, как здесь жили оставленные во власти врага люди, руководители страны знать не хотели, подозревая, наоборот, всех своих граждан в предательстве. Потому так мало награждённых в нашем районе

медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» или «За оборону Кавказа», так мало отмеченных какими-то наградами. А между тем они были, как мы убедились, настоящими фронтовиками, не входящими ни в какие списки.

Матвеев Курган на линии Миус-фронта 17 февраля — 29 августа 1943 г.

Армии Южного фронта упорно в течение нескольких недель стремились прорвать фронт, развить наступление. Войска несли большие потери, но сил выполнить поставленную командованием задачу не было. Вновь немцы закрепились по гребню Волковой горы, вели обстрел посёлка с высоты. Наши войска на этот раз свои укрепления не стали возводить в самом посёлке, а заняли удобные позиции по холмам на восточной окраине Матвеева Кургана. Он оказался весь в нейтральной полосе — здесь не было ни немцев, ни наших, только жители, которых обстреливали и те, и другие, бомбили и те, и другие.

В архиве мы обнаружили протоколы о захоронениях воинов Красной Армии на территории М-Курганского района с № 11 по № 32, никем не подписанные, нет и дат их написания (других протоколов, например, с № 1 по 10, нет, и архивные работники не смогли их найти в других архивах). *«Братское кладбище 98 могил около 5000 воинов Советской Армии, погибших в годы ВОВ, расположено на юго-восточной окраине хутора Борисовка. Воины, погиб-*

шие в бою, привозились с передовой линии фронта и хоронились в феврале-мае 1942 года и в марте-июне 1943 года, среди захороненных пехотинцы, артиллеристы, моряки и кавалеристы 4-го кавалерийского корпуса. Звания и фамилии не установлены...» (районный архив, протокол № 26). Это только один из подобных документов, но это одно из самых крупных захоронений. Только «по данным 1947 года, не включая территорию бывшего Анастасиевского района, погибло 20718 человек»². Это данные только о советских воинах, погибших на Миус-фронте (а мы уже знаем, что учтены не все), а мёртвые немцы, румыны, казаки, воевавшие на том же Миус-фронте на стороне немцев, мы думаем, удваивают количество погибших здесь; а ещё были и погибшие мирные жители! Поистине обильно полита кровью наша земля. Антонина Григорьевна Шелковникова зиму 1942–43 года жила у бабушки в Латонове, болела тифом, очень тяжело пережила эту зиму. В её записках рассказывается, как она переходила фронт, и мы можем вместе с ней мысленно проделать этот путь. Девочке было 12 лет. «В феврале рано утром раздался гул взрывов в Матвееве Кургане. Бабушка Мавра сказала:

— Иди домой, мамка тебя ждёт. Смотри, вон идут меняльщики в город. Иди и ты с ними, но не на Курган, а через Ряженое, там гула не слышно.

Дала бабушка кусок хлеба, и я пошла. Шлёпаю в сапогах, сверху снег, снизу вода. Шла с тётями долго. Вот они повернули в город, я осталась одна в поле, и страшно, и нет. Вдруг сразу обрывается мест-

ность. Внизу долина реки Миус, под горою село Ряженое. Вдали в Матвеевом Кургане огненные взрывы, гул. Видно, шел бой. Иду дальше, спускаюсь к берегу, перехожу мост, прохожу село. Кругом ни души. Страшиновато, ни звуков, ни взрывов, ни людей. На окраине дом. В белых халатах сидят два немца с пулемётом. Прохожу. Они молча поглядывают, но меня не трогают. Решила идти вдоль берега реки и железной дороги по посадке. Иду, в сапогах воды полно. Сяду, вьюлю воду и иду дальше. Оглядываюсь, нет ли немцев. Слышу звук танка за посадкой. Рокочет машина, остановилась и начала стрелять из пулемёта в мою сторону. Вижу, впереди белый снег и веточки бурьяна падают, сбитые пулей. Страха нет ни капельки, а мысль мелькнула такая: вот убьют меня здесь немцы, а мама не узна-

² Районный архив, ф. 9, оп. 4, д. 503, л. 2.

ет, где я. Я присела, посидела минут пять. Слышу, машина уехала обратно. Тишина. Я пошла дальше. Вижу хутор Колесниково, выхожу к нему через железную дорогу. Наши солдаты! Выскочил один солдат, подбежал ко мне, испугавшись, спрашивает:

— Ты откуда? Ты шпионка, да?

Я молчу. Он просит разрешения у командира отвезти меня в Матвеев Курган в штаб. Тот даёт согласие. И мы вдвоём пошли. Заводят в штаб. Начальник на меня грозно закричал:

— Кто ты и откуда?

Я сказала, что была у бабушки в Латоново и шла домой.

— Что у тебя в мешке?

Я показала кусок хлеба и пуховой платок.

— Ты шпионка, да?

Я заплакала и сказала:

— Вон моя хата. Там мама.

Тогда он смягчил голос, поднёс мне карту и спросил:

— Какие хутора проходила? Видели ли бочки с горючим, немцев?

— Да, видела, около хутора за горой. Имя его не знаю. Немцев мало, а бочек много.

Он что-то пометил в карте. Сказал мне:

— Спасибо, иди домой.

Мама, увидев меня, от радости закричала:

— Как ты прошла линию фронта и осталась жива?»

На этом записки обрываются.

Мирным жителям, оставшимся здесь, нужно было как-то жить. Пётр Егорович Журенко рассказывал нам, что большую часть посёлка разминировали мальчишки. Даже был особый азарт: кто ловчее разминирует противотанковую мину? Мины разряжали и для того, чтобы добыть тол, которым растапливали печку. Гибли люди от этого занятия, но мальчишек это не останавливало. Опасность ещё долго подстерегала людей.

В первых числах августа Южный и Юго-Западный фронты получили приказ о подготовке нового наступления. 29 августа Матвеев Курган перестал быть фронтовым населённым пунктом, наконец, можно было как-то начинать здесь мирную жизнь.

Мы хотели дать на этих страницах слово людям, которых никто никогда не спрашивал, как они жили, чьего незаметного подвига и жизненной стойкости не ценили ни власти, ни даже порой их дети.

Одно время — две правды

Рядом с нами живет Анна Дмитриевна Флигинских. Сейчас ей 77 лет, она вырастила троих детей, у нее пять внуков и две правнучки. Она очень интересный собеседник, помнит такие подробности из своего детства и юности, что просто удивительно.

Анна Дмитриевна Флигинских родилась в 1930 году в селе Подойниково Панкрушихинского района Алтайского края. Семья была большая. Всего в семье родилось 14 детей, выжило пятеро. Ее мать, Татьяна Пахомовна, до войны не работала в колхозе, потому что были маленькие дети. Дмитрий Григорьевич работать в колхоз не пошел принципиально. Не потому, что был зажиточный или из семьи кулаков, а просто не захотел. За это его наказали, дали «принуду» — принудительные работы в течение полугода в 120 километрах от дома. Отработав положенный срок, продал лошадь, на которой он отбывал «принуду», и вернулся домой. Устроился работать в «Заготскот» забойщиком. Перед войной перешел работать в лесхоз.

Анна Дмитриевна с большой теплотой вспоминает об отце, который очень их всех любил и жалел. «Заготскот» находился примерно в 9 километрах от дома, поэтому отец постоянно дома не жил. Но всегда заботился, чтобы у детей был кусок хлеба. Бывало, перед рождеством вечером придет домой, привезет продукты: говяжьи

ноги, мясо, свиные или говяжьи голы. Все это привезет на санках, пешком. Скажет: «Давай, Татьяна, готовь детям еду, чтобы завтра было что на стол поставить». Тогда Татьяна Пахомовна разжигала печь, мыла и скоблила ноги, головы и ставила в печь вариться, а отец топил баню, играл с детьми. Утром рано поднимался и снова за 9 километров на работу, а Татьяна Пахомовна начинала разбирать холодец. Утром все идут в церковь, а у нее уже холодец застыл, дети вставали, и начинался пир горой. Анна Дмитриевна вспоминает об этом времени как об очень счастливым.

В 1941 году в семье родились двойняшки: Любочка и Толик. Но прожили они недолго. Врача в деревне не было, а везти за несколько километров в больницу было не на чем. Через три недели после смерти Толика отца забрали на фронт. Больше они его не видели, потому что он погиб под Ленинградом в 1942 году.

Татьяна Пахомовна пошла в колхоз, где всю войну работала от зари до зари. Но была надежда, что вернется отец и семья снова будет счастливой. После похоронки в 42-м году эта надежда исчезла навсегда. Анна Дмитриевна очень хорошо помнит тот день, когда закончилась война. Они копали землю в огороде, вдруг слышат крики, смех, плач. Бегут люди, кричат: «Война закончилась!» Татьяна Пахомовна в этот день вмес-

Марина Никитина
Томская обл. с. Ново-Кусково
Третья премия, 2008

те с другими женщинами на коровах возила семена пшеницы на поля. Эту новость она узнала уже к вечеру, когда вернулась домой. Как же она плакала, кричала в голос. Обняла детей, и они плакали, то ли от радости, то ли от горя, а наверное, от всего вместе.

Анне Дмитриевне тогда было уже 15 лет. Она закончила семилетку, училась очень хорошо. После школы многие одноклассники пошли работать в колхоз. А она — учиться в 8 класс. Школа находилась в райцентре в 9 километрах от дома. Весной, когда стаивал снег, и осенью до снега ходила в школу пешком, потому что нужно было помогать дома. А зимой жила у родственников. Мать все время была на работе, поэтому все домашние дела лежали на ее плечах как старшей в семье. За работу в колхозе Татьяна Пахомовна ничего не получала. Выручал огород, а он у них был 80 соток. Весной его нужно было вручную вскопать, посадить картошку, коноплю и подсолнечник. Картошки сажали соток 60, соток 10 сеяли коноплю и 10 подсолнечника. Чтобы посадить столько картошки, нужно было много семян, поэтому с ранней весны, когда варили еду, срезали глазки и верхушки картофеля, а то и просто срезали кожуру потолще. Затем посыпали их золой, чтобы не загнили, и хранили в подполье. Картошки накапывали много, но так как кроме нее других продуктов не было, то часто случалось, что после посадки картошки не оставалось вовсе. Тогда переходили на «подножный»

корм: собирали лук-слезун, колбу. Выручала корова. Как бы трудно не было, но корову держали всегда, благодаря этому и выжили. Сажали овощи: морковь, капусту, столовую свеклу, сахарную свеклу, фасоль, бобы, репу. За всем этим нужно было ухаживать, поливать, полоть. Недалеко от дома (с полкилометра) было озеро, откуда брали воду для полива. Зимой в печке парили репу и сахарную свеклу и ели. Еще из сахарной свеклы варили кисель. Из картофеля делали крахмал, потом кипятили воду, сыпали туда крахмал, получался такой вязкий напиток, а для сладости перетирали вареную сахарную свеклу и добавляли в кисель. Он получался как желе, его остужали и резали на кусочки. Можно было пить и горячим. Сахара не было вообще. Из столовой свеклы делали квас.

Летом старались заготовить много ягод. На Алтае растет в диком виде лесная клубника. Заготавливали ее ведрами. Собранную ягоду очищали от чашелистиков, мяли и делали лепешки. Потом клали на капустные листья и сушили в печи. Просто сушили разную ягоду, а зимой ели вместо сладостей, варили «взвары» (компоты). Когда была мука, пекли пироги с ягодной начинкой. Старались заготовить побольше брусники. Ее мочили в бочках.

Еду готовили на конопляном масле. Для этого коноплю выращивали сами. Вскпывали землю, насыпали семена в мешочек и ходили, разбрасывая, сеяли семена так же, как пшеницу. Когда растения начинали цвести,

Одно из исследований провела ученица школы № 55 г. Астрахани Екатерина Травова «Семнадцать мгновений в войне и без войны». Её работа посвящена повседневной жизни обитателей Трусовского района Астрахани в годы войны и после неё, затронута и тема взаимоотношений трусовчан с военнопленными. Чтобы написать исследование, Кате пришлось немало потрудиться — поработать в архивах, библиотеках, побеседовать с очевидцами, участниками событий тех лет.

«Волга» (г. Астрахань), 01.06.2007

а потом созревали, ходили по посевам, протаптывая дорожки, собирали сначала мужские растения — «поскань», их различали по беловатому цвету листьев (оказывается, конопля имеет мужские и женские особи). Мать, уходя на работу, говорила: «Смотрите, подолгу по кустам не ходите, а то угорите». Тогда никому и в голову не приходило, что это наркотики, и травить себя специально никто не хотел. Нужда заставляла.

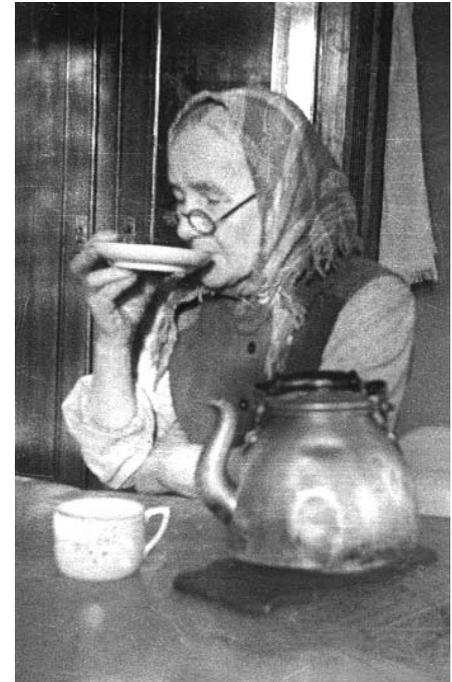
Сорванные растения собирали в снопы и сушили. Когда созревали семена на женских особях, их тоже срывали, складывали в снопы и молотили. Семена собирали, а конопляные снопы связывали наподобие плотов и вымачивали в озере. Чтобы плот не уплыл, в него вбивали кол, а сверху клали земляные пласты. Эти снопы вымачивались дней 40, а потом их вытаскивали из воды и на коровах везли домой, в банях сушили, трепали и зимой из полученного волокна пряли нитки и ткали ткань, из которой потом шили одежду.

Семена конопли потом относили на колхозную маслобойку. Там была специальная давилка для выдавливания масла, которую вращали сами женщины. Это было очень тяжело, но лошадей не было, вот и приходилось самим все делать. Масло получалось зеленоватого цвета, примерно литров 10–11. Старались растянуть его до следующего урожая. Семена конопли оставляли и про запас. Их ели вместе с картошкой, только нужно было предварительно растолочь в ступе. Подробно описав процесс пе-

реработки конопли, пытаюсь еще раз осознать, в какое трудное время пришлось жить нашим бабушкам, сколько им приходилось трудиться, чтобы выжить.

Подсолнечника тоже сажали много. Осенью срезали шляпки и молотили семена, потом сушили и веяли, ссыпали в мешки, а зимой поджаривали в печках и щелкали. Это тоже была еда. Анна Дмитриевна, смеясь, рассказывала, что зимой в праздники или просто вечерами женщины собирались по очереди друг у друга «повечерять». Вот тогда насыпали горю семечек и щелкали прямо на пол. Иногда собирались у одной одинокой женщины, так она всегда говорила им: «Щелкайте, бабоньки, побольше, я потом хоть печь подкурю». Дров было мало, и как топливо использовали и подсолнечную скорлупу.

На зиму нужно было много дров, и заготовить их было одиноким женщинам трудно. Тогда использовали навоз. В колхозе держали много овец. Их содержали летом в кошарах (больших загонах под открытым небом). Постепенно в загонах накапливалось много навоза, и овец перегоняли в другой. В освободившейся кошаре навоз постепенно высыхал, и тогда приступали к заготовке «кизяков»: спрессованный ногами животных высохший навоз резали на кирпичики, укладывали, чтобы его продувало, а потом складывали где-нибудь под крышей и зимой топили печи. Это было жаркое топливо, а с современной точки зрения еще и экологически чистое. Все это приходилось

делать детям, потому что взрослые с утра до вечера были на работе.

Анна Дмитриевна с 15 лет работала летом в бригаде поварихой. Вспоминает, что как увезут на поля, так до школы и не отпускают. «Увезут в одном платишке, босиком, ни помыгаться, ни постирать — что мама передаст, то и носила. Однажды сбежала домой. Было это уже перед первым сентября. А утром пришел бригадир с бичом в руке. Спрашивает у матери: «Где Анна? Сейчас я ее бичом запорю». А мама встала, взяла в руки ухват и говорит: «Попробуй только, я тебя самого вот сейчас как огрею. Думаешь, раз отца нет, так и заступиться за нее некому?» Бригадир погорзился да и ушел, а мы с мамой в голос ревели от обиды», — со слезами на глазах вспоминает Анна Дмитриевна.

Сейчас существуют льготы для солдатских вдов и труженников тыла. А в то время солдатские вдовы были самыми незащищенными. Татьяна Пахомовна на четверых детей (пятого, Степана, в 1943 году в 17 лет забрали на войну) получала 105 рублей пенсии за погибшего на фронте мужа. Работать приходилось на самых тяжелых работах. А еще платить налоги. Держали корову и 2–3 овцы. Теленка обычно сдавали как налог на мясозаготовки, свиней не держали, потому что нужно было много кормов, да и налоги давили. Овец иногда резали на мясо, но в основном держали ради шерсти — нужны были валенки и валенки детям. Чтобы разрешили держать корову, нужно было сдать 300 литров молока, но сдавали

по 550, так как при сдаче молока ставили жирность 2,2, поэтому увеличивали норму сдачи. Вечером, подоив корову, несли молоко на молоканку, где его перерабатывали: сепарировали, варили сыр, творог. Возвращали 2–3 литра обрата, дома его квасили, и получалась тянучка, кислая на вкус, ее ели с картошкой.

Все, с кем я беседовала в деревне, говорили, что жилось плохо, трудно, голодно. Денег на трудодни не выплачивали. А вот в заметке от 5 мая 1947 года «Новый заем» говорится: *«Получив весть о выпуске нового займа, колхозники, рабочие и служащие Ново-Кусковского сельского совета единодушно подписались на него. К 12 часам дня 5 мая по сельсовету было реализовано облигаций займа на 90000 рублей, из которых 82000 внесено наличными»*. В других номерах газеты такие заметки: «На расцвет Родины!», «Полторы зарплаты — взаимы государству!», «Единодушная подписка». Такое впечатление, что денег у людей не меряно, и они не знают, куда их девать. Но если денег у людей много, значит, государство богато и стабильно. Зачем же тогда ему занимать у населения?

Чтобы прокормить детей, Татьяна Пахомовна не всегда сдавала молоко, ведь не круглый же год доилась корова, да и молока давала немного — корм был плохой. Накапливался долг. Тогда приезжал уполномоченный из райцентра, в ночь-полночь вызывали в сельсовет, ругали, грозили описать имущество. Спасло, наверное, то, что семья была многодетная, муж на фронте погиб, старший

сын тоже воевал, а после войны служил в армии (7 лет). А вот другим женщинам было тяжелее. Если кто попадался, что взял зерно или молоко детям на ферме, сажали в тюрьму и не смотрели, что были дети. Если уличил бригадир, то принуждал женщин к сожительству, потом они мучились, болели после абортгов или рожали детей, но не бросали, как сейчас, кормили, растили. В деревне их дразнили «байстрюками».

Мужчин тоже не щадили. Брат Татьяны Пахомовны с войны вернулся инвалидом, был бригадиром полеводческой бригады. Осень 1949 года выдалась дождливая, зерно не просохло, а его засыпали в амбар, и оно загорелось. Так вот, ему дали 5 лет ИТЛ и не посмотрели, что инвалид войны и дома куча детей.

Про политические события в стране она не помнит, потому что газет не читала. И денежную реформу не помнит, потому что денег у них не было, в магазины никогда не ходили. Да там и покупать было нечего. Покупали только соль, а промтовары, когда привозили, делили по семьям по спискам. А если что-то и привозили, то очередь занимали с вечера. Когда открывали магазин, начиналась давка, все хотели вперед, чтобы успеть, пока есть хоть какой-то выбор. Анна Дмитриевна вспоминает: «Однажды был такой случай. Привезли в магазин товары, утром народу было — не пробиться. Была у нас одна семья, в которой детей было много. А ведь хотелось, чтобы хоть что-то досталось. Тогда два старших брата взяли младшую сестру

и бросили в двери прямо на головы, люди расступились, и девочка со всего маху ударилась об пол. Чуть на смерть не убились, потом в больнице долго лежала. Но наша мама в очереди не ходила, гордость не позволяла. Зато Шура, моя младшая сестра, она у нас пробивная была, пошла, отстояла очередь и получила ткань защитного цвета. Заказали у местной портнихи сшить юбки и пиджачки. В них потом ходили в школу и казались себе самыми нарядными. В этих нарядах проходили до окончания школы».

Татьяна Пахомовна была неграмотной. Еще до войны немного походила в вечернюю школу, научилась читать и писать. Потом разучилась, потому что книг и газет не было, а главное, некогда было их читать. В конце жизни умела только подписывать свою фамилию. Но детям хотела дать образование. Три дочери — Анна, Шура и Зинаида — закончили 10 классов, сыновья Степан и Иван — по 7 классов. Не хотела она дочерей с раннего возраста отдавать в колхоз на «вечную каторгу», как она говорила. Анна Дмитриевна вспоминает: «Мама зарезала овцу, на себе мы ее унесли в райцентр на базар, продали. На вырученные деньги купили мне тапочки, кое-что из одежды, остальные деньги ушли на дорогу. Уехала в Новосибирск. Но поступить учиться не пришлось, так как исполнилось 18 лет, пенсии уже не полагалось, а нужно было помогать маме. Устроилась на работу сначала в амбулаторию, а потом перешла на завод «Почтовый ящик-66». Это был военный завод. Это и спасло от тюрьмы, потому что после моего бегства из деревни мать

Как-то к нам в редакцию попала книга «Все мы из одной деревни». Честно скажу, меня в ней привлекла обложка: коллаж из старых фотографий. Я открыла — и уже не смогла оторваться. Настолько притягательным было идущее от книги ощущение живой жизни и живой речи, которое редкий автор умеет сохранить и передать. Бывают книги, прочитав которые, хочется познакомиться с теми, кто их писал. «Все мы из одной деревни» — как раз такая книга. Поэтому вскоре я уже еду на перекладных из Воронежа в райцентр с женским именем Анна и дальше по пустым проселочным дорогам — до поворота на Новый Курлак.

«Первое сентября», 16.08.2008

просто донимали, чтобы сказала, где дочь, и чтобы вернулась в колхоз. Каким-то образом нашли, пришли на работу, чуть не арестовали. Но за меня заступился бригадир, потому что завод был военный и работники приравнялись к военнообязанным».

До 1956 года колхозники не имели паспортов, пенсий, отпусков. Работали за трудодни, или, как говорили, за «палочки», так как после сдачи налогов почти ничего не оставалось для выплаты колхозникам. Рабочий день тоже был не нормирован. В какой-то мере спасало подсобное хозяйство. Однако и по нему государством был нанесен значительный удар. За период 1946–49 годов в пользу колхозов были прирезаны 10,6 млн га земли из крестьянских приусадебных участков. Были значительно повышены налоги с доходов от продаж на рынке. Сама рыночная торговля разрешалась лишь крестьянам из колхозов, выполнивших государственные поставки.

Такая политика государства нашла отражение на страницах газеты «Причудымская правда». В передовице от 1 января, где сообщалось об успехах ушедшего года, говорится и о недостатках, в частности о «разбазаривании земель». Говорится о том, что в Уставах некоторых колхозов слишком высокие земельные нормы приусадебных участков. В новом году необходимо устранить эти недостатки, что и было сделано.

И как насмешку или издевку над бедными колхозниками можно расценить заметку от 10 января 1947 года

«Право на отдых». В ней говорится об установлении 8-часового рабочего дня для рабочих на предприятиях: «Рабочие имеют отпуска с сохранением заработка. Ни одна капиталистическая страна не имеет таких прав. Создается широкая сеть курортов, санаториев, домов отдыха, клубов, парков, стадионов. Партия стремится восстановить те, которые были разрушены немцами. К 1950 году на курортах отдохнут одновременно более 450 тысяч человек. Будут созданы 20 тысяч сельских кинотеатров, их посетят более 250 тысяч человек».

Ужесточение политического режима после войны отразилось и на страницах нашей районной газеты.

В газете от 23 августа 1947 года сообщается о наказании «расхитителей» социалистической собственности. В заметке «Из зала суда» говорится: «На днях за хищение из огородов овощей и 40 килограммов картофеля нарсад Асиновского района приговорил на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 года Кострикину В. С. и Жердину Н. В. к 10 годам лишения свободы каждую». Приговор поражает своей жестокостью. Что такое 40 кг картофеля? Это 4–5 ведер на двоих! А у этих женщин, наверное, были дети, и крали они не для себя, а чтобы прокормить семью. Ведь к этому времени обычно картофель и другие продукты заканчивались, новый урожай еще не вырос, вот и пришлось этим женщинам пойти на такой шаг, потому что в колхозе всегда сажали картофель раньше, в лучшие сроки, а дома — в последнюю очередь и по остаточному принципу.

В то же время в газете от 5 мая 1947 года помещена статья «О заготовке и посадке верхушек картофеля» (Беседа с академиком Лысенко). Здесь даются советы и рекомендации о том, что нужно больше посадить картофеля, поэтому с хороших клубней нужно срезать верхушки и сажать, а остальное — для продовольственных целей. Получается, что уже в мае картофеля было мало, нужно было выбирать: или на еду или на семена. А что можно вырастить из таких семян? Ведь не зря наш народ сочинил поговорку «От плохого семени не жди хорошего племени». Поэтому

в номере газеты от 28 ноября опять статья «Как заготавливать и хранить верхушки клубней картофеля» (Советы агронома). Зачем с ноября месяца заготавливать верхушки картофеля, если планы по производству сельхозпродукции выполнены и перевыполнены, как писала та же газета? А потому, что и урожаи были низкие, и планы не выполнены, вот и приходилось людям красть, чтобы прокормить детей.

Моя бабушка рассказала мне слов своей матери, что у них в колхозе был бригадир безногий, до войны пьяный уснул в сугробе и отморозил ноги, потом ему их ампутировали. Мужиков на фронт забрали, а его бригадиром над женщинами поставили. После войны он стал председа-

телем колхоза. Вспоминала она о нем с огромной неприязнью, потому что много обид и притеснений бедные женщины от него имели. Во время уборки, когда они работали на току на сушке зерна, старались хоть раз пройти по куче зерна, чтобы оно попало за голенища сапог, а когда приходили домой, расстилали какую-нибудь тряпку, разувались и высыпали набившееся зерно. Потом мыли его и парили в печке, добавляли толченые конопляные зерна и кормили детей. Так вот, председатель заставлял женщин перед уходом домой ложиться на спину и трясти ногами, чтобы зерно высыпалось. Многие женщины не носили нижнего белья, его просто не было. Представляете, какая картина была! Он, куражился над ними, хохотал и отпускал домой. А потом приказывал следить, у кого ночью топится печь. Если идет дым, значит, варят или парят зерно. Тогда врываются в дом и если что-то находили, то — суд и тюрьма. Бабушка говорила, что ее мама, моя прабабушка, наказывала детям попозже истопить печку и в загнетку нагрести побольше углей. Когда она приносила зерно, то ставила его в чугунок в эти угли. Оно (зерно) к утру распаривалось, тогда будила детей и кормила их, а потом уходила на работу. Вот такой хлебушек доставался им, а печеного хлеба не ели месяцами.

Не было и других продуктов. Скот держали, но мяса не ели, все сдавали государству. В газете от 28 ноября статья «Хорошо подготовиться к переписи скота». В ней говорится: «На

основании постановления Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 года с 1 по 8 января 1948 года будет проводиться всесоюзная перепись скота во всех категориях хозяйств по состоянию на 1 января 1948 года. Перепись проводится в целях проверки выполнения государственного плана развития животноводства и получения точных данных о численности скота. Необходимо разъяснить населению ее значение. Перепись будет проводиться счетчиками при подворном обходе и подсчете скота».

Эта заметка говорит о многом. Как мне рассказали, в то время очень строго следили за тем, сколько скота держали у себя колхозники. Были определенные нормы, если кто-то нарушал, скрытно держал, например, поросенка или овец, то в случае выявления строго наказывались, вплоть до тюремного заключения. На то количество скота, которое числилось официально, устанавливались налоги. Например, если держали свинью, то обязательно, когда ее забивали, нужно было сдать шкуру, то есть тушу не палили, как сейчас, а снимали шкуру, которую нужно было в обязательном порядке сдать. Если кто-то этого не делал, наказывали.

После забоя животного нужно было сдать обязательно определенное количество мяса и сала. Налоги были высокие. По сути, надо было сдавать полностью все мясо. Людям оставались только потроха, ноги и голова. Бабушка рассказывала, что когда приходило время забоя в ноябре, это был настоящий праздник. Из ног и голов варили холодец. Как тог-

да говорили, начинался «мясоед». После голодного лета и осени это было действительно сытое время. Холодильников не было, поэтому хранили продукты в погребах на ледниках или круто солили, потом вымачивали, варили и ели. Мой дедушка, до тех пор пока держал хозяйство, после забоя поросенка или крупного рогатого скота никогда не выбрасывал желудок, а просил бабушку, чтобы она вымыла, выскоблила, отварила его и обжарила на сале. Он всегда угощал нас этим блюдом, а когда мы морщились и отказывались, он говорил: «Эх, вы, ничего не понимаете, это же деликатес моего детства».

При переписи учитывалось все: крупный рогатый скот, свиньи, овцы, куры и другая птица. Все облагалось налогом. Вот и получалось: держали коров, а молока не ели, потому что нужно было сдать в качестве земельного налога определенное количество молока и масла. Если были куры — сдать определенное количество яиц. Зачастую приходилось покупать в магазине яйца, чтобы сдать их в качестве обязательных налогов. Эта проводимая в начале 1948 года перепись скота, подготовка к которой началась в 1947 году, имела тяжелые для селян последствия. В 1948 году колхозникам было «рекомендовано» продать государству мелкий скот (держать который было разрешено колхозным уставом), что вызвало массовый забой по стране свиней, овец, коз (до 2 млн голов). Чтобы как-то оправдать свои дей-

ствия перед населением, в номерах газеты под рубрикой «Из-за рубежа» сообщали:

«В столице Голландии — Гааге официально объявлено о повышении цен на мясо, молоко, масло, сыр» («Причудлымская правда» от 5 декабря).

«Американское бюро по трудовой статистике передает, что цены на продовольствие в 65 крупных городах США достигли наивысшего уровня, который когда-либо отмечался в стране» («Причудлымская правда» от 20 декабря).

Мол, не только у нас плохо, «загнивающий» капитализм тоже испытывает трудности.

Когда Анна стала работать на заводе, впервые в руках появились деньги, и в первый раз сшила себе платье из крепдешина. Это была первая в жизни дорогая вещь. Каждый месяц она откладывала немного денег, а перед отпуском покупала подарки домашним, чтобы приехать в гости не с пустыми руками. Сначала жила у тетки, а когда в 1950 году из армии пришел старший брат Степан, стали снимать квартиру. О событиях в стране они узнавали из сообщений по радио. Очень хорошо помнят тот день, когда сообщили, что умер Сталин. На площади перед заводом стоял столб, на котором был установлен репродуктор. Люди сутками не уходили, плакали, было очень страшно, что будет со страной без Сталина. Ведь с детства учили:

Сталин — наша слава боевая!
Сталин — нашей юности полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет!

Потом объявили, что Берия — враг. Было все это страшно и непонятно, но обсуждать и спрашивать боялись.

В 1954 году Анна Дмитриевна вышла замуж и вернулась в деревню. После смерти Сталина действительно стало легче. Она вспоминает: *«Осенью 1954 года мама впервые принесла деньги домой после расчета в колхозе, где-то 1700 рублей. Пришла домой заплаканная, а в фартуке — деньги пачками.*

Мы впервые видели деньги в банковских упаковках».

Юность Анны Дмитриевны и ее сверстников была трудной, но сохранились и светлые воспоминания о том времени. Как и все дети, играли на улице в разные игры. Когда провели в деревню радио, ходили к подружке-соседке, отец которой был председателем колхоза, слушать музыкальные передачи. Но песни передавали не каждый день, да и неудобно было, не хотели надоедать. В центре села на столбе была установлена тарелка (радио), вот там по вечерам, особенно летом, устраивали танцы, вместе пели песни. С соседками залезали на крышу сарая, оттуда хорошо было слышно репродуктор, щелкали семечки и слушали новости и песни.

Самой большой радостью для них было, когда привозили кино в деревню. Но попасть на сеанс не всегда удавалось: не пускали или денег не было. Тогда они оккупировали все окна у клуба и в щелочки подглядывали. Зимой было холодно, промерзали до костей, но до конца сеанса не уходили. По праздникам, после получения пенсии, мать давала им деньги на кино, и это была великая радость. В клубе было тепло, экран большой, все хорошо слышно — удовольствие, да и только!

Анна Дмитриевна, вспоминая свое детство и юность, вздыхает, молодеет лицом, улыбается и говорит: *«Вам выпало жить в другое, более легкое время, цените, что имеете, радуйтесь, и мы за вас порадуемся».*

Международные связи конкурса

Школы «Мемориала»

Учителя о конкурсе

Координаторы о конкурсе

Международные связи конкурса

С 2001 года конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» включен в сеть европейских исторических конкурсов «Eustory», объединяющую 22 страны. Российский конкурс — самый большой по числу участников. В рамках «Eustory» мы сотрудничаем с историческими конкурсами, которые проводят общественные организации Германии и Польши, Белоруссии и Украины, Италии и Швейцарии, других стран. «Eustory» дает возможность историкам и учителям из разных стран обсуждать вопросы преподавания сложной и трагической истории XX века, школьные учебники, проблемы исторической памяти, важные для формирования идентичности. Одна из главных целей сети — создание условий для диалога о разных образах прошлого, в котором принимают участие учителя и школьники из стран Восточной, Центральной и Западной Европы.

34 наших победителя в разные годы участвовали в летних международных школах, которые принимают у себя страны, входящие в сеть.

Осенью 2007 года такая школа, посвященная двум годовщинам: Октябрьской революции (1917) и Большого террора (1937) при поддержке Фонда им. Дмитрия Лихачева была проведена «Мемориалом» в Санкт-Петербурге. Над проблемами памяти о революции и терроре, механизмов мифотворчества, роли личности в истории с увлечением работали победители исторических конкурсов из Германии, Латвии, Норвегии, Польши, России, Швейцарии и других стран.

В 2007 году сеть «Eustory» была награждена Национальной премией Германии.

Габриэла Войделко

координатор сети «Eustory» (Германия, фонд Кербера)

Уже более 20 исторических конкурсов входят в нашу сеть. Притом, что история наших стран разная, я думаю, что всех нас объединяет одно: мы отстаиваем право слышать и право рассказывать. Мы очень гордимся, что в нашу сеть входит «Мемориал». Мы говорим привычные слова, что надо учиться у истории, извлекать из нее уроки. Но на самом деле эти уроки состоят только в одном: мы должны использовать историю как мост, а не как оружие против других народов. И задача сегодняшних школьников и завтрашних студентов — наводить эти мосты.

Маргарита Рудник

г. Красноярск

В августе 2008 года я была участницей семинара в Берлине по теме: «9–10 ноября 1938 года — Хрустальная ночь».

Нам рассказывали о погроме, знакомили со старыми газетами разных стран со статьями 1938 года о Хрустальной ночи. Задача «Eustory» — не только осмысление и «погружение» в конкретный период истории, а прежде всего установление дружеских связей между молодыми европейцами, развитие толерантности, «широты мышления», терпимости к чужой точке зрения. И в этом смысле опыт семинара для меня был бесценен. Мы засиживались до поздней ночи, обсуждая советский период в Прибалтике, распад Югославии, рост национализма в Германии, южноосетинский конфликт, случившийся за несколько недель до конференции. В результате мы очень крепко сдружились.

Лилия Павлова

г. Казань

Поездка в Петербург стала для нас радостным событием. Нам была интересна тема школы — 1917–1937 гг. — она тесно соприкасалась с предметом нашего исследования, поэтому мы чувствовали себя увереннее. Ну и, наконец, нам было просто интересно пообщаться со своими сверстниками с разных концов Европы, услышать их мнение о России, об ее истории и, кстати, посмотреть их учебники по истории. Так как в это время я уже училась на историческом факультете, мне прежде всего было интересно услышать их интерпретацию российской революции. Приятно было видеть интерес в глазах наших европейских «коллег», отвечать на их вопросы, вообще работать с ними. Я бесконечно благодарна «Мемориалу» и фонду Лихачева за организацию такой замечательной школы с такой темой. Надеюсь, что и я когда-нибудь смогу быть полезной этим организациям.

Школы «Мемориала»

Начиная с 2001 по 2006 г. для финалистов и призеров конкурса общество «Мемориал» совместно с Международной Конфедерацией обществ потребителей проводило летние школы-лагеря гражданского образования «Остров». В течение двух недель их участники жили в имитации созданного государства. Они сами разрабатывали правовую систему, избирали законодательную, исполнительную и судебную власть, производили расчеты в собственной валюте. В лагере были собственная газета, радио, телевидение. Параллельно школьникам читали лекции известные историки, экономисты и социологи. Все последние годы школа проводится в Москве в рамках подведения итогов конкурса. Школу проводят волонтеры — студенты и аспиранты столичных вузов.

Учителя о конкурсе

Если бы конкурс не поддержали учителя, ему вряд ли была суждена такая долгая жизнь. По всей огромной России, в крохотных сельских школах, в столичных гимназиях, мы встречаем учителей, готовых увлеченно и самоотверженно работать с нами. Среди них есть и представители старшего поколения, которые, тем не менее, нашли в себе силы заговорить со школьниками на новом языке, и совсем юные, в их числе и несколько участников первых конкурсов. Они придумывают темы школьных работ, прокладывают своим ученикам путь в архивы, помогают отыскивать свидетелей исторических событий, находят время и силы ездить с детьми в экспедиции, создают школьные музеи. Число учителей, тесно взаимодействующих с конкурсом, неуклонно растет. Оргкомитет минимум раз в год проводит для них в Москве научно-практические семинары, в которых за эти десять лет приняли участие более 300 человек.

Галина Аркадьевна Кропанева

преподаватель истории, педагог-организатор научного общества Вятской гуманитарной гимназии, заслуженный учитель РФ, г. Киров

Участие в конкурсе — большая удача для учителя и его учеников. Не важно, какая это тема: история старинного здания, судьба лыжных батальонов, дневник гимназистки, провинциальный послевоенный город с его массовым увлечением футболом или названия вятских колхозов, главное в них — реальная жизнь, живые люди. Школьный учебник пополнился для моих учеников неизвестными фактами, именами, событиями. Хочется верить, что школьники, прошедшие этот замечательный конкурс, вырастут людьми думающими.

Школьные исследования вызывают большой интерес в семьях (ведь это об их жизни идет разговор!), используются на уроках в качестве учебных текстов, привлекают внимание местных СМИ.

«Мемориал» делает огромную работу по воспитанию граждан своей страны.

Николай Александрович Макаров

преподаватель немецкого языка и краеведения школы села Новый Курлак Воронежской области

Как руководитель школьных работ, в конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век» я участвую с 1999 года. Узнал я об этом конкурсе совершенно случайно, но затем оказалось, что дух проекта «Мемориала» родственен моим взглядам. Собственно, и раньше мы с ребятами ездили в архивы, беседовали с местными старожилами, вели переписку с разными людьми. Но конкурс по-настоящему дал возможность детям «пощупать» историю, увидеть её изнутри. А это, по-моему, очень важно.

Из всех учеников, участвовавших в течение десяти лет в исторических расследованиях под моим «присмотром», лишь один — Сергей Подлесных — выбрал затем профессию историка и сейчас занимается самостоятельными, уже «взрослыми» расследованиями по местной истории. Но это, я считаю, далеко не главное — я ведь тоже не историк. Всё-таки я надеюсь, что новокурлакские ребята стали после участия в конкурсе по-другому смотреть на прошлое России.

Елена Васильевна Никишова

учитель школы №1 села Ельники, заслуженный учитель Республики Мордовия

В нашем районном центре Ельники краеведение развивалось с середины 1970-х годов, но конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» дал мощный толчок изучению истории родного края. Не для «красного словца» последняя фраза, это действительно так.

За восемь лет участия в конкурсе ельниковские старшеклассники написали историю местного детского дома и пяти русских и мордовских сёл, собрали материалы о семье репрессированного священника В. И. Кашина и династиях кузнецов, о «лишенцах» и событиях 1937 года в нашем районе, об участии уроженцев района в Афганской войне, записали семейные истории. Авторы исследований работали в фондах районного муниципального архива, а изучение истории семей привело их в архив ФСБ России по Республике Мордовия и в архив в немецком городе Арользен, где хранятся сведения о военнопленных. Они встречались со старожилами села и записывали их воспоминания, то есть получили хорошую социальную практику.

Чем является конкурс для меня? Он позволяет выполнить важную миссию учителя и краеведа — привлечь молодых людей к изучению истории родного края, пробудить любовь к нему; уважение к истории отечества, какими бы трагическими не были некоторые её страницы.

Ольга Ивановна Столбовская

заместитель директора МОУ Матвеево-Курганской СОШ № 1,
учитель истории высшей категории

Жизнь в небольшом посёлке имеет свои особенности. Здесь все на виду, трудно что-то скрыть. Здесь многие связаны дружескими и родственными узами. Но теперь мне и моим ученикам стали близкими знакомыми многие пожилые люди, очевидцы событий. Они открылись нам с неожиданной стороны: оказалось, что внешне ничем не примечательный дедушка многое видел, а соседская бабушка может рассказать о неизвестных нам фактах истории поселка. Многие из них имеют родственников, в поселке работает социальная служба, осуществляющая уход за одинокими пенсионерами. Но им нужно внимание, собеседники, чтобы кто-то их выслушал.

Когда мы начинаем поиск информации, идём на встречи с ветеранами, пенсионерами, очевидцами событий, мы погружаемся в историю жизни человека, выслушиваем его. Люди почти всегда рады общению с нами, просят приходить ещё. Мы вместе рассматриваем старые фотоальбомы, потёртые документы, окунаемся в события того времени. А пожилые люди понимают, что только они могут нам рассказать эту правду истории, которую, может быть, нам никто больше и не сможет раскрыть. Для меня, как для учителя и историка, в этот момент совершается некое таинство: мы восстанавливаем связь поколений, связь времён.

Координаторы о конкурсе

Конкурс «Человек в истории. Россия — XX век» с самого начала стал общероссийским в полном смысле слова. Это стало возможно благодаря региональным организациям «Мемориала».

Наши координаторы во многих местах теперь проводят собственные региональные исторические конкурсы (в Воронеже, Красноярске, Ростове-на-Дону, Пензе, Туле, Воркуте и Иркутской области). Это увеличивает шансы участников победить, если не в Москве, то в родном городе или в области, и привлекает к конкурсу внимание региональных СМИ.

Татьяна Алфертьева

координатор конкурса, г. Пенза

«Это единственный конкурс, который приглашает к исследованию судеб обычных людей, — считает Татьяна Валерьевна Меркушина, учитель истории школы села Плесс Мокшанского района. — Многие удивляются, когда их спрашивают о подробностях их жизни. Они никогда не думали, что кому-то вообще это нужно — их личные боли, страдания, страхи, надежды». Они — это люди разного возраста, разных социальных слоев и разных национальностей. Уже 10 лет участвуют в конкурсе ученики Лидии Николаевны Агевой, учителя истории села Чемодановка Бессоновского района. Школьники писали о судьбе крымских татар, о раскулаченных советской властью крестьянах, о православных традициях нашего села, о пленных немцах на строительстве трассы Москва-Куйбышев, о солдатах афганской и чеченской войн, об оstarбайтерах и военнопленных. Получая грамоты и призы, старшеклассники чувствуют значимость сделанной ими работы, повышается их самооценка. Этот конкурс оставляет в их судьбах добрый след. Может быть, именно благодаря этому в 1-м конкурсе из Пензенской области участвовало 17 работ, а в десятом — 130.

Алла Битюцкая

координатор конкурса, г. Воронеж

Воронежский «Мемориал» принимает участие во Всероссийском конкурсе исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век», начиная с 1999 года. За 10 лет на конкурс было прислано 1659 работ из Воронежской области. Авторы 24 работ заняли первые, вторые и третьи места.

Возникли новые связи с образовательными учреждениями нашей области, школами, училищами, отделами краеведения, домами детского творчества, станциями юных туристов, кружками краеведения, школьными библиотеками. О «Мемориале» узнали и в районных центрах, и в маленьких поселках.

Ежегодно Воронежский «Мемориал» проводит региональный конкурс работ «Человек в истории. Россия — XX век». Это увеличивает шансы ребят победить, пусть не в Москве, а в Воронежской области. Жюри, в состав которого входят мемориальцы, историки, краеведы, педагоги, сотрудники библиотек нашего города, читает и оценивает все работы, присланные из нашей области на Всероссийский конкурс. Каждый год в конце мая мы приглашаем всех наших участников в городскую научную библиотеку им. Никитина для подведения итогов.

Алексей Бабий

координатор конкурса, г. Красноярск

В Красноярском «Мемориале» школьный конкурс — одно из самых приоритетных направлений, если не самое приоритетное. Мы понимаем конкурс как своеобразную прививку от тоталитаризма: школьник, взглядевший в судьбы обычных людей, сумевший понять их боль и ценность обыкновенных жизней, не будет, мы надеемся, относиться к людям как к винтикам. Конкурс важен для нас и с практической точки зрения: мы получаем новые сведения о репрессированных, устанавливаем связи с людьми, работающими по нашей теме. Особенность нашего края — гигантские расстояния. Из Красноярска до Норильска лететь немногим меньше, чем из Красноярска до Москвы. Но и южные районы немногим ближе. Поэтому нам приходится вместо одной церемонии награждения участников конкурса делать две — одну для центральных районов, другую для южных.

Виктория Миронова

координатор конкурса, Иркутская обл., г. Братск,

За эти годы часто приходилось слышать, что современные школьники избалованы разными конкурсами. И сегодня, если есть голова на плечах, не так уж сложно найти подходящее состязание и выиграть приз. Но как хорошо, что есть что-то ещё, побуждающее детей участвовать именно в конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век». Писать исследования по его темам — большой труд, и не у всех это получается, но, «поймав волну», каждый школьник может открыть для себя новый мир.

Мне кажется, благодаря этому очень многие поняли, что все мы что-то значим для истории, что важно успеть сберечь, записать, донести. Что здесь нет пустяков и мелочей. И, наконец, что именно школьники могут искренне и непредвзято работать с «таким материалом». Этот юношеский взгляд особо ценен в лучших работах конкурса «Человек в истории. Россия — XX век».

[Оргкомитет конкурса](#)

[Контакты координаторов](#)

[Объявление о конкурсе](#)

[Наши спонсоры](#)

Оргкомитет конкурса

Ирина Щербакова —
председатель Оргкомитета

Члены Оргкомитета конкурса:

Светлана Гетьман
Оксана Михайлова
Александр Паповян
Елена Паповян

Тел.: (495) 699-65-04
Факс: (495) 609-06-94

E-mail: konkurs@memo.ru
<http://www.konkurs.memo.ru>

Координаторы в регионах

Астрахань

Елена Дмитриевна Жукова
(8512) 57-59-58
e-mail: memo@list.ru

Братск, Иркутская обл.
Лариса Марсовна Салахова
(3953) 37-69-28
e-mail: mars62@rambler.ru

Великие Луки, Псковская обл.
Александр Алексеевич Лукьянов
(81153) 7-33-91
e-mail: soglasie_vl@mail.ru

Воронеж
Алла Вячеславовна Битюцкая
(4732) 29-47-97, ф. 52-04-66
e-mail: goldfarb@vmail.ru

Екатеринбург
Анна Яковлевна Пастухова
(343) 374-31-99 (т/ф), 362-42-29
e-mail: ek-memorial@yandex.ru

Краснодар

Татьяна Викторовна Пояркова
(861) 219-36-99
e-mail: kko@kubanmemo.ru

Красноярск
Алексей Андреевич Бабий
(3912) 65-13-85
e-mail: memorial@maxsoft.ru

Новочеркасск, Ростовская обл.
Виктория Ильинична Колесникова
(8635) 23-71-43
e-mail: ffcbs@mail.ru

Пенза
Татьяна Яковлевна Алфертьева
(8412) 54-31-59
e-mail: memo-penza-21-vek@yandex.ru

Пермь
Гульсина Дагирьяновна Селянинова
(342) 238-12-56
e-mail: gsina@mail.ru

Рязань

София Юрьевна Иванова
(4912) 24-04-85
e-mail: sofiva@mail.ru

Сыктывкар
Борис Рудольфович Колегов
(8212) 31-65-29
e-mail: repres@rol.ru

Тверь
Валентина Алексеевна Шарипова
(4822) 34-84-29 (т/ф)
e-mail: memo@mail.tver.ru

Тула
Павел Валентинович Понарин
(4872) 31-04-19 (т/ф)
e-mail: memorial@tula.net

Чебоксары
Екатерина Ивановна Яранцева
(8352) 46-06-24
e-mail: katarina.05@bk.ru

Объявление о конкурсе

Международное историко-просветительское, благотворительное
и правозащитное общество «Мемориал»
Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева
Союз краеведов России
Кафедра региональной истории и краеведения
Российского государственного гуманитарного университета

объявляют

XI ЕЖЕГОДНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ СТАРШЕКЛАССНИКОВ
«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ — XX ВЕК»

Общая тема конкурса 2009–2010 гг. — *Судьба человека в российской истории XX века*. Она может быть конкретизирована в одной из более частных тем:

История семьи

Цена победы

Человек и малая родина

Человек и власть

Свои — чужие: другая национальность, другая религия, другие убеждения

Человек, общество, армия

Работа может быть посвящена и любой другой теме, отвечающей общей идее конкурса.

Цель конкурса — побудить молодых людей заняться самостоятельными исследованиями, посвященными российской истории минувшего века.

Выбор темы *История семьи* поможет воссоздать в исследовательских работах повседневность прошлых лет, детали быта и судьбы обыкновенных людей, ваших родных и близких. Именно семья служила людям поддержкой в самые трудные моменты нашей истории. Мы ждем от вас работ, в которых отражалось бы отношение разных поколений к прошлому, примеры того, как передается семейная память.

Мы надеемся, что участники конкурса посвятят свои исследования по теме *Цена победы* судьбе обычного человека, обратят свое внимание на тех, кому победа принесла не только радость освобождения, но и новые страдания. Мы хотим, чтобы участники конкурса занялись темами, которые до сих пор остаются «белыми пятнами» — то есть историями, связанными с партизанским движением, с немецкой оккупацией. Словом, чтобы наши конкурсанты

задумались над тем, какую невероятную цену пришлось заплатить за победу в Отечественной войне. В рамках темы *Цена победы* мы предлагаем конкурсантам провести исследования на тему *Когда закончилась война*. Попробуйте проследить, как происходил процесс адаптации отдельного человека, семьи, общества в целом к мирной жизни, что пришлось преодолеть, как соединились радость от победы и горе потерь, какие последствия войны оказались наиболее устойчивыми.

Взаимоотношения *личности, общества и государства* — огромная и разнообразная тема, которая заставляет задуматься над тем, что значат в нашей сегодняшней жизни свобода, право, человеческое достоинство. Молодые исследователи, которые столкнутся с этой проблематикой, не должны ограничиваться простым описанием механизмов, посредством которых государство осуществляло свою власть над отдельным человеком и над страной в целом. Не менее ценно найти свидетельства того, как люди отстаивали свою гражданскую и духовную свободу.

Важно, чтобы будущие участники конкурса обратили внимание на тему *Свои — чужие*, на тех, кто живет или жил рядом с вами и принадлежит к другой национальности, к другой религии, придерживается других взглядов. Какова степень понимания и терпимости по отношению к этим людям? Работая над этой темой, постарайтесь изучить исторические корни проблемы: кто и при каких обстоятельствах оказывался «чужим» в вашем городе или деревне — в ту или иную эпоху.

Удачной и интересной может также стать работа, в которой прослеживается история какого-либо здания, памятника, улицы или, например, экспоната краеведческого музея. Предметом исследования также может стать и какое-либо значимое событие из прошлого вашего города, поселка или деревни, представленное в рассказах очевидцев, дополненных архивными документами и публикациями. Однако и в подобных работах должно быть выполнено главное условие конкурса — улицы, здания, памятники должны быть связаны с конкретными человеческими судьбами.

В рамках основных направлений конкурса в этом году вниманию участников предлагается также тема *Человек, общество, армия*. Эта тема призвана привлечь внимание конкурсантов к изучению прошлого и настоящего российской армии, содействовать воспитанию в сегодняшних молодых людях сознательного отношения к одной из непростых тем в жизни российского общества. Лучшие работы будут награждены призами от Общественной инициативы «Гражданин и армия».

Три конкурсные работы, посвященные судьбе человека в XX столетии (вне зависимости от выбранного направления исследования) будут награждены специальной премией им. Василия Гроссмана, учрежденной Исследовательским центром «Жизнь и судьба» (Италия, Турин). Василий Гроссман — один из

крупнейших российских прозаиков XX века. Главная тема его произведений — жизнь и судьба российских людей — наиболее близка задачам нашего конкурса.

Исторические источники, на которых строится конкурсная работа, могут быть самыми разными: устные свидетельства, материалы (в том числе и кинофотодокументы) домашних и государственных архивов, дневники, воспоминания, статьи, подшивки старых газет и т. д. Однако, если вы хотите добиться успеха, необходимо, чтобы все документы были тщательно прокомментированы и подвергнуты критическому анализу. Это, собственно, и есть главный критерий оценки работы, хотя Жюри, без сомнения, отметит найденный новый ценный исторический материал и умение участника конкурса излагать свои мысли.

Мы будем приветствовать удачные поиски новых форм, например, в видео- или электронных вариантах. Работы, присланные в электронном виде, должны обязательно сопровождаться полным текстом на бумажном носителе. К фильму должен прилагаться сценарий. Лучший видеофильм будет отмечен специальным призом Жюри.

Работы на конкурс обязательно должны быть снабжены титульным листом, где следует указать:

фамилию, имя и отчество автора (полностью),
адрес автора и школы с почтовым индексом,
класс и номер школы, телефон (автора и школы).

Если работа выполнена под чьим-либо руководством, просим вас указать фамилию, имя, отчество и должность руководителя.

Не забудьте о библиографии: все источники, которыми вы пользовались и на которые ссылаетесь, следует в ней отразить.

Максимальный объем исследовательских работ, присылаемых на конкурс, не ограничен. Жюри не оценивает работы объемом в 3–4 страницы, а также работы, не отвечающие теме конкурса. Работа может быть оформлена как научная статья или записанный и прокомментированный участником конкурса рассказ свидетеля исторического события. Это может быть история чьей-

либо жизни или история семьи, основанная на воспоминаниях, семейных документах, фотографиях.

Желательно прислать два экземпляра работы, набранные на компьютере (просим не присылать ксерокопии рукописных работ).

Документы, фотографии, аудио- и видеозаписи (если только основной работой не является сделанный вами видеофильм) служат лишь приложением к тексту.

Участники конкурса: приглашаются учащиеся общеобразовательных учреждений и учреждений среднего профессионального образования России в возрасте от 14 до 18 лет. Работа может быть выполнена как индивидуально, так и коллективно. Если в качестве наставников начинающих исследователей выступают учителя, родители и даже профессиональные историки, это будет только приветствоваться. Единственное условие: роль руководителя и степень его участия должны быть обязательно отражены в соответствующей записи в работе. Работы, выполненные коллективно, должны быть снабжены кратким описанием истории их создания, чтобы Жюри могло оценить вклад каждого участника.

Срок отправки работ на конкурс — до 10 января 2010 года (по почтовому штемпелю).

Подведение итогов. Результаты конкурса будут опубликованы в мае 2010 года. Авторы 40 лучших работ пригласят в Москву для подведения итогов конкурса. Лучшие учителя, отмеченные Жюри, также будут приглашены в Москву на церемонию награждения победителей в мае 2010 года. По решению Жюри и Оргкомитета конкурса 5 победителей получают возможность поехать в международные школы лауреатов исторических конкурсов.

В 2009 году Фонд Михаила Прохорова учредил для победителей конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» однократные стипендии для получения высшего образования «Россия — XX век». Стипендии предоставляются на конкурсной основе. В Стипендиальном конкурсе Фонда Михаила Прохорова могут принимать участие лауреаты конкурса «Человек в истории. Россия — XX век», заканчивающие средние и средние специальные учебные заведения в текущем учебном году.

Наставники, активно участвовавшие в конкурсе, осенью 2009 года будут приглашены в Москву для работы в научно-практическом семинаре.

Авторы работ, вышедших в финал, будут награждены книжными подарками, которые будут высланы по почте.

Присланные на конкурс работы после подведения итогов не возвращаются и будут храниться в специальном архивном фонде, открытом для всех желающих (оставляйте себе копии!). Лучшие работы могут быть опубликованы полностью или фрагментарно в ежегодном сборнике «Человек в истории», в периодической печати и в Интернете на безгонорарной основе.

* * *

Конкурс проводится при поддержке Фонда «Память, ответственность и будущее» (ФРГ), Фонда Михаила Прохорова (РФ), Фонда имени Генриха Бёлля (ФРГ), Фонда Форда (США), Исследовательского центра «Жизнь и судьба» (Италия)

* * *

Запрос на получение методических и информационных материалов в помощь участникам конкурса можно присылать до 15 ноября 2009 г. (материалы высылаются бесплатно).

Запросы на методические материалы (до 15 ноября 2009 года) и работы (до 10 января 2010 года) присылайте по адресу:

Россия, 127051, Москва, Малый Каретный переулок, 12, Международный Мемориал, «На школьный конкурс».

Тел.: (495) 699-65-04 (с 12.00 до 18.00)

Факс: (495) 609-06-94

E-mail: konkurs@memo.ru

Сайт «Уроки истории»

В мае 2009 г. будет открыт Сайт www.urokiistorii.ru Он должен стать консультационным и методическим порталом для подготовки исторических исследований, дискуссионной площадкой для обсуждения сложных, неоднозначных страниц отечественной истории. На этом сайте будут размещены работы участников конкурса «Человек в истории. Россия — XX век» и методические материалы для подготовки исследовательских работ. Кроме того, «Уроки истории» дадут российским учителям, школьникам и студентам возможность познакомиться с зарубежным опытом проектной деятельности, в том числе благодаря теснейшему сотрудничеству с аналогичными немецкими и польскими интернет-порталами. Здесь же будет размещена информация о российских и международных конкурсах, выставках, даны описания учебников, книг, статей по истории, рецензии на фильмы, теле- и радиопередачи, затрагивающие историческую тематику.

Конкурс 2008–2009 гг. поддержали:

Комитет общественных связей города Москвы. Комитет занимается реализацией политики Правительства Москвы по взаимодействию с негосударственными некоммерческими организациями, общественными объединениями и поддерживает их социально значимые инициативы.

На протяжении 10 лет при поддержке Комитета в Москве проводится торжественная церемония награждения лауреатов конкурса «Человек в истории. Россия — XX век».

Постоянная межведомственная комиссия Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Создана в 1995 году по постановлению Правительства Москвы для содействия выполнению Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» и оказания адресной помощи реабилитированным.

Комиссия защищает материальные интересы пострадавших, занимается увековечением памяти жертв репрессий, поддержкой общественных объединений репрессированных.

Представители Комиссии участвуют в экспертизе работ конкурса «Мемориала» по теме политических репрессий, а также в организации пребывания лауреатов конкурса в Москве.

Фонд «Память, ответственность и будущее» (ФРГ) был учрежден для выплаты компенсаций узникам концлагерей и угнанным на принудительные работы в Германию и является совместной инициативой государства, общества и частного бизнеса, направленной на сохранение памяти о преступлениях национал-социализма. Фонд поддерживает гуманитарные проекты, способствующие укреплению сотрудничества между Германией и странами, особенно пострадавшими в период национал-социализма.

С 2005 г. Фонд является одним из основных спонсоров конкурса «Мемориала».

Фонд Форда (США) — частный благотворительный фонд, поддерживающий программы в сфере прав человека, культуры, образования, программы, направленные на сокращение бедности, развитие сотрудничества между общественным, государственным и коммерческим секторами.

Фонд с самого начала поддержал идею организации исторического конкурса, ставшего основой для многих образовательных проектов «Мемориала».

Фонд имени Генриха Бёлля (ФРГ) содействует расширению участия граждан в общественной жизни, углублению взаимопонимания между наро-

дами. Фонд поддерживает проекты в сфере развития гражданского общества, экологии и гендерной демократии.

Фонд поддерживает просветительские и исследовательские программы «Мемориала», работу со школьниками и учителями.

Фонд Фридриха Науманна (ФРГ) содействует развитию и укреплению гражданского общества во многих странах.

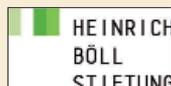
При поддержке Фонда проводятся дискуссии и семинары для лауреатов конкурса и их наставников во время их пребывания в Москве, а также дискуссии в регионах.

Исследовательский центр «Жизнь и судьба» при Культурном центре Пьера Джорджо Фрассати (Турин, Италия) поддерживает инициативы, направленные на распространение гуманистических идеалов романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Центр проводит выставки, конференции, встречи ученых и деятелей культуры из стран Европы.

В 2006 г. Фонд учредил премии, которыми награждаются победители конкурса «Мемориала» за работы, написанные в духе идей Василия Гроссмана.

Фонд Михаила Прохорова (РФ) — частный благотворительный фонд, который поддерживает культурное развитие российских регионов в сфере науки, образования, искусства и спорта, содействует, повышению творческого потенциала местных сообществ.

Совместно с «Мемориалом» Фонд осуществляет программу поддержки одаренной молодежи, в первую очередь, из российской провинции.

Friedrich Naumann
STIFTUNG **FÜR DIE FREIHEIT**

STUDIES CENTER LIFE AND FATE
«Government, the limits of. Subsequent, the rights and freedoms in the 20th century history»

